

Автор:

Джеймс Деларджи

55

Джеймс Деларджи

Триллер-клуб «Ночь». Психологический триллер

Один из ярчайших остросюжетных дебютов 2019 г. Одна из самых взрывных завязок десятилетия. Сбивающий с ног темп охоты на убийцу. Деларджи открыл миру не только свое потрясающее дарование, но и целый неизведанный континент триллеров – Австралию. Права на экранизацию романа куплены компанией культового режиссера и продюсера Джерри Цукера, создателя «Привидения» с Патриком Суэйзи и Деми Мур.

Полицейский участок в австралийской глуши. К сержанту Чендлеру Дженкинсу вваливается насмерть перепуганный и покрытый кровью посетитель по имени Гэбриэл. Он только что вырвался из лап жестокого безумца. Некто по имени Хит хотел сделать его своей 55-й жертвой. Хит – серийный убийца. И он должен быть немедленно пойман.

Впрочем, в этом нет необходимости. Вот он, сам объявился в том же участке... и рассказывает точь-в-точь, до самых мелких деталей, такую же историю чудесного спасения. Только в ней он сам – жертва, а Гэбриэл – серийный убийца.

Оба готовы на все, чтобы доказать свою версию. Но ведь правду может говорить только один... Разве не так?

Джеймс Деларджи

55

Всем, кого обделила жизнь

James Delargy

55 Copyright © James Delargy 2019.

© Молчанов М.Ю., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство Эксмо», 2019

1

Легкие пылали, будто вместо кислорода он вдыхал вездесущую рыжую пыль. Каждый шаг взметал очередное облачко. Каждый шаг вел незнамо куда. Если задуматься, он и был незнамо где, плотно окруженный со всех сторон деревьями, а каждая ветка норовила схватить за руку, за бок, за голову – мол, оставайся здесь. Навеки.

Еще чуть-чуть, так бы и вышло. Но он вырвался и теперь спасал свою шкуру. Никогда не думал, что хоть раз в жизни воспользуется такой банальной фразой. Впрочем, разве это жизнь? Скорее выживание... Он бежал, перелезал через камни, уворачивался от веток и ничего больше не соображал: все мысли забивал страх, что его снова поймут. Остались одни животные инстинкты: кругом опасность, спасайся.

Солнце, чьи щупальца проникали сквозь листву, нещадно жгло землю, но ни единый его проблеск не указывал пути к свободе. Всюду только деревья, камни, еще деревья и еще камни, чтоб их. Он не знал, бежит ли навстречу цивилизации или, наоборот, углубляется в аутбэк[1 - Англ. outback – «глушь»; так в Австралии называют малоосвоенные районы, более удаленные от густонаселенных мест и более пустынные, чем другой вид австралийской дикой местности – буш (англ.

bush, «заросли»)].

Он перескочил через очередной валун. Ноги свело, будто на них все еще висели кандалы: холодные, ржавые цепи, в которые его заковал тот псих. Нет, останавливаться нельзя. Плевать на боль, усталость, нехватку воздуха и жжение в легких. Прекратишь бежать – умрешь.

Впереди деревья расступались. Еще немного. Лишь бы там была дорога, ферма, тропинка – хоть какое-нибудь указание на то, что рядом люди. Набрав в грудь побольше воздуха, он рванул на свет. Именно в это мгновение под ногу ему попался камень. Небось много сотен лет выжидал, пока на него наступят, – и вот дождался. Он споткнулся и, ловя руками пустоту, полетел на землю. В падении приложился плечом о ствол дерева; тот хрустнул, но не сломался. Кости, к счастью, тоже.

Заросли кончились, в глаза ударил свет. Увы, ни намека на цивилизацию. Всего лишь полянка, а на ней – пять-шесть рыхлых холмиков прямоугольной формы... точно могилы. Одну из них наверняка готовили для него.

Он рывком поднялся. Все мышцы болели, одежда промокла от пота. Обогнув кладбище, он снова угодил в заросли. Такое ощущение, будто кто-то водит его кругами.

Теперь, однако, путь шел в гору. В ответ на подобное издевательство занули колени. Вдалеке проглядывал клочок голубого неба – значит, там вершина, можно будет осмотреться и сориентироваться.

Преодолевая боль в бунтующих легких и ногах, он не заметил, что на дороге торчит узловатый древесный корень, и снова распластался на жесткой, запекшейся от жары земле. В рот, нос и глаза набилась пыль. Из страха выдать себя он сдержал вопль, но грохот удара, казалось, разнесся на милю, заглушая чириканье птиц, стрекот насекомых и топот преследователя.

Вершина ожиданий не оправдала. Обзора никакого, только обрыв и отвесная стена в этаж высотой. Спуститься тоже нельзя: что слева, что справа ни одной тропинки.

Не успел он подумать про обходной маршрут, как ощутил толчок в спину и снова грохнулся на землю. Перевернувшись, тут же получил кулаком в левую скулу. Удар вышел скользящим, но в глазах все равно потемнело. Сжав кулак, он ударил с размаху в ответ и угодил во что-то твердое – похоже, в плечо. Противник всадил ему колено в бедро. От боли брызнули слезы. Он еще несколько раз без разбора махнул кулаками, то попадая, то промахиваясь. Противник в это время продолжал избиение, нанося меткие удары по шее и по голове, каждый из которых отзывался тупой болью и рассыпал перед глазами искры. Потом схватил за волосы и несколько раз приложил о твердую землю. Он чувствовал, как сознание начинает понемногу оставлять его. Отключишься – конец. Он замахнулся, схватил противника за руки и перекатился, чтобы оказаться сверху.

Земля вдруг кончилась, перекат превратился в бесконечный полет. Отбитая голова как будто перестала ощущать силу тяжести, и его охватила невесомость. Нахлынуло какое-то неземное блаженство. Все, кончено. Он умер и с чистой совестью может отправляться в мир иной.

И тут – удар.

От столкновения с землей у него словно вышибло душу из тела. Открыв глаза, он увидел серо-коричневый камень и голубое, подернутое дымкой небо. Затем все потемнело, и он потерял сознание.

2

Чендлер Дженкинс жил в городке Уилбрук. Здесь он родился и вырос. Все тридцать два года прошли на засушливом плато Пилбара в Западной Австралии. Этому участку суши, когда-то входившему в состав древнего суперконтинента Ур, насчитывалось не менее двух с половиной миллиардов лет. Порой Чендлеру казалось, что доисторические атомы просочились в кости и состарили его раньше срока, – впрочем, не ему одному. Все из-за огненно-рыжей пыли, покрывающей выжженную, почти безжизненную землю.

Уилбрук находился в глуши, за сотню километров от ближайшего населенного пункта – Портмена, куда вела одинокая дорога, извивающаяся, как хвост

ящерицы. Даже по австралийским меркам городок совсем не старый: первые упоминания относятся к концу XIX века. Его назвали в честь известного старателя из Албани, который, бросив плодородные виноградники на юге материка, отправился искать богатство в здешней глине. И ведь нашел! Он откопал целую россыпь золота, самородки буквально торчали из земли, как маршмеллоу в чашке с хлопьями. Некоторые даже не помещались в ладонь.

Когда о находке узнали, в округе тут же стали возникать деревянные лачуги, количество которых не поддавалось здравому смыслу. А где лачуги, там и увеселительные заведения: бары, салуны, бордели – минимум по паре. В погоне за богатством хлынул народ: тысячи и тысячи золотоискателей, которым газеты сулили исполнение всех желаний.

Увы, сбыться мечтам не довелось. Самородки вдруг закончились, а в ржавых лотках оседали лишь отдельные крупинки. Людей, впрочем, это не останавливало, они продолжали намыwać камни и глину в ручьях, а отчаявшись, утоляли разочарование выпивкой и женщинами, вот только платить было нечем. Вместе с долгами копились и обиды.

Городок жил как на пороховой бочке, и однажды летней ночью грянул взрыв: десятеро мужчин устроили перестрелку прямо на центральной улице. На ногах остался только Том «Томат» Келли, но на следующее утро кровотечение в плече доконало и его. Обстановка в Уилбруке ухудшалась, а денег становилось все меньше. Первыми – за новой золотой лихорадкой – уехали врачи, юристы и торговцы; от пятидесяти тысяч населения осталась едва ли пятая часть. Удержались и несколько баров да борделей, для которых людское отчаяние было основным источником дохода.

Тем, кто остался, пришлось как-то выживать, но земля была одинаково негостеприимна и к людям, и к животным, которых пытались разводить. Сорок лет Уилбрук находился на грани вымирания, пока под ним не наткнулись на залежи железной руды и крокидолита[2 - Асбестосодержащий минерал, имеющий широкое техническое и ювелирное («тигровый глаз») применение.]. Началась новая лихорадка, горнодобывающие корпорации принялись скупать рудоносные участки за баснословные суммы. Городок стал разрастаться, появились первые кирпичные постройки. А потом залежи вдруг снова иссякли, и корпорации перебрались в Портмен, расположенный в нескольких часах езды, без сожалений бросив Уилбрук, как змея сбрасывает старую кожу.

Вот тут, собственно, и жила семья Чендлера. Несмотря на все недостатки, он гордился этим городком, который не без оснований считал своим. Будучи сержантом полиции, Чендлер, по сути, исполнял роль шерифа – символично, учитывая, что на вид город так и застрял на рубеже позапрошлого века. Только грунтовку на центральном проспекте залили асфальтобетоном, который на солнце казался чуть ли не белым, а посередине даже соорудили островок безопасности (непонятно зачем, ведь машин все равно почти нет). Ярко раскрашенные навесы над тротуарами спасали от палящих лучей, но не от зноя; изящно отлитые металлические столбы почти вековой давности напоминали об ушедшей эпохе.

* * *

Чендлер подъехал к бетонной парилке под названием «участок» и посмотрел на себя в зеркало. Вот ему уже за тридцать. Приятное еще лицо округлилось, под глазами залегли синяки от недосыпа и прелестей жизни отца-одиночки. Волосы поредели, но пока не отступили. Светлая шевелюра вкупе с легким загаром отлично подошла бы стареющему серферу – только не ему. Чендлер вообще старался держаться подальше от моря. На суше хотя бы видно, откуда ждать опасность.

Старший сержант Билл Эшкрофт вышел на пенсию в июне прошлого года, оставив Чендлеру свою должность и четверых подчиненных. Впрочем, что толку в таком штате, когда дело приходится иметь лишь с превышением скорости, бытовухой и – максимум – драками в пабах. Всего пабов в Уилбруке три, но не для того, чтобы был выбор, а чтобы те, кого выгнали из одного заведения, могли пойти в другое. Тем не менее участку полагалось пятеро сотрудников, и Полицейское управление Западной Австралии строго за этим следило, ведь стоит начаться сокращениям, посыплется все.

За стойкой регистратуры сидел Ник Кириакос, новенький. Чендлер считал, что к дежурствам и заданиям тот пока не готов. Несмотря на способности и усердие, давать двадцатилетнему парню оружие и отправлять на улицу было рискованно. Он еще многого не понимал, и им двигало желание угождать, учиться и демонстрировать глубокие (и пугающие) познания о серийных убийцах.

Таня, старший констебль и заместитель Чендлера, тоже была на своем месте. Она всегда приходила вовремя, идеально собранная, как и ее хвостик. Она брала

утренние смены, чтобы успевать в детский сад на другом конце города. Детей у нее трое, все погодки; Таня только-только вышла из пятилетнего декрета. Чендлер понимал, каким трудом ей это дается – каждый день что маленькая военная операция, – поэтому, если бы он получил повышение, непременно представил бы к нему и Таню. Полностью заслуженно. Всякий, кто умудряется совмещать работу с воспитанием детей, заслуживает любых поощрений. У Чендлера у самого мальчик и девочка – кому, как не ему, это знать. Тане хотя бы муж помогает.

Чендлер зашел в свой кабинет. Кондиционер опять сломался, и в участке висела густая духота. Он сел в кресло и посмотрел в окно на холм Гарднера – лесистое возвышение с каменистыми склонами, получившее свое название в честь первого мэра Уилбрука.

Издалека холм выглядел вполне живописно: сторона, обращенная к участку, сплошь поросла высокими, прямыми деревьями – настоящий оазис зелени посреди бескрайней рыжей пустыни, которая простиралась за холмом. Эта пустыня постоянно привлекала путешественников, но даже бывалым походникам, привычным к самым жестким условиям, приходилось там непросто. Туда отправлялись в основном те, кто хотел найти себя. Или, наоборот, затеряться.

Начинался очередной день на службе, спокойный и настраивающий на медитативный лад. Однако очень скоро все переменялось.

Из соседней комнаты слышался шум. Голос был незнакомый, в нем слышалось отчаяние. Выговор как будто бы южный – скорее всего, пертский. Если так, то мужчину занесло далековато от дома.

– Сержант, можно вас? – позвала Таня с непривычной тревогой в голосе.

Чендлер скинул ноги со стола и поправил ремень. Живот здорово раздался за последние пару лет. Лишним весом организм словно восполнял пустоту после ухода Тери.

Чендлер вышел из кабинета. Напротив Тани (из регистратуры посетители попадали к ней) сидел дерганный парень на вид лет двадцати с небольшим. На футболке и джинсах у него была кровь и грязь – следы побоев.

Чендлер провел рукой по шее и выругался. Забыл галстук. Вообще, он не особо следил за внешним видом, но на людях предпочитал выглядеть подобающе. Так сразу становилось понятно, кто здесь главный.

«Ты должен выглядеть как хозяин, а вести себя как управляющий», – говаривал Билл.

Таня стояла рядом с посетителем и настороженно наблюдала за ним. Даже Ник прикатился из регистратуры – прямо в кресле, как бы демонстрируя, что он по-прежнему на своем посту.

Парень поднялся на ноги. Таня сделала шаг назад, готовая при необходимости перехватить его. Ощущение страха постепенно передавалось окружающим. Чендлер отметил, что посетитель одного с ним роста, только более подтянут; полный ужаса взгляд мечется между стенами и дверью, не зная, на чем остановиться. Веки, будто опасаясь, что глаза вот-вот выскочат, сами собой сощурились. На лице застыла гримаса боли.

– Он сказал, что я – пятьдесят пятый! – выпалил посетитель, встретившись наконец взглядом с Чендлером, после чего затрясся и зажмурился.

Мозг Чендлера продолжал отмечать детали. Выговор определенно пертский. Торчащая клочками щетина указывает, что последние несколько недель парень пользовался старой, затупившейся бритвой. Для бездомного слишком адекватный и опрятный – значит, скорее всего, разнорабочий по найму.

– О чем вы? – спросил Чендлер, сохраняя внешнее спокойствие, хотя внезапное появление человека в окровавленной одежде выбивало из колеи.

– Пятьдесят пятый... – повторил посетитель.

Чендлер посмотрел на Таню, та пожала плечами.

– Пятьдесят пятый кто? – спросил он.

Появилось желание каким-нибудь жестом, касанием успокоить посетителя, но Чендлер опасался, что его это лишь отпугнет.

– Это б-был м-маньяк...

– Какой маньяк?

– Он похитил меня и увез... Туда. В чашу... там было много деревьев...

Посетитель указал на стену – именно в той стороне находился холм Гарднера.

– Еще раз: какой...

– Псих!

Парень пошатнулся. Кровь на джинсах не выглядела свежей, пятна будто высохли на солнце, но Чендлеру не хотелось, чтобы потерпевший терял сознание. Он взял его за руку, тот поморщился от боли.

– Не бойтесь, мы вам поможем. – Усадив посетителя в кресло, Чендлер смог снова почувствовать себя хозяином положения. – Как вас зовут?

– Гэбриэл.

– Отлично, а меня – Чендлер. Я здесь главный. Вы знаете, где находитесь?

Гэбриэл мотнул головой.

– В Уилбруке.

На лице Гэбриэла отразилось что-то вроде надежды – надежды на спасение. Закрепляя успех, Чендлер продолжил:

– Вы находитесь в городе Уилбрук, штат Западная Австралия. Это констебли Таня и Ник, мои подчиненные. Откуда вы к нам попали?

Гэбриэл снова махнул дрожащей рукой в сторону стены.

– Оттуда.

Чендлер выдавил из себя ободряющую улыбку.

– Нет, где вы живете?

– В Перте... Но я часто в разъездах.

Гэбриэл откинулся на спинку кресла. На миг показалось, что он вот-вот сползет на пол.

– У вас есть удостоверение личности?

– Он забрал.

– Ладно... – Чендлер кивнул. – А имя его вы хотя бы узнали?

Гэбриэл молчал. Он уже не бегал глазами по комнате, веки начали закрываться. Чендлер еще раз посмотрел на одежду потерпевшего. Пятна крови небольшие, значит, серьезных ранений нет, однако нельзя исключать невидимые травмы, например сотрясение мозга.

– Вы узнали...

– Хи-и-ит... – выдохнул Гэбриэл.

– Хит? – переспросил Чендлер и кивнул Тане.

Она тут же записала имя в блокнот.

– Да, – ответил Гэбриэл, – маньяка зовут Хит. Он отнял у меня документы.

Парень вдруг подобрался и попытался встать.

– Мне нужно бежать.

Чендлер шагнул навстречу потерпевшему и придержал его. Знакомая история: многим, кто оказался в полицейском участке, не терпелось поскорее оттуда убраться, как будто не дай бог пришьют что-нибудь, если задержишься.

– Оставайтесь здесь, а мы вызовем вам врача.

– Нет! – возразил Гэбриэл, глаза у него снова в ужасе распахнулись. – Я расскажу вам, что случилось, и исчезну. Вдруг он придет за мной?

– Не бойтесь, здесь вы в безопасности, – успокоил его Чендлер.

– Чем дальше отсюда, тем лучше.

Гэбриэл глубоко вздохнул, чтобы взять себя в руки, и при этом снова скривился. Скорее всего, сильно ушиб ребра, предположил Чендлер.

– Мы сейчас вызовем вам врача, – осторожно сказала Таня.

– Нет, сперва я расскажу вам, что случилось.

3

За регистратурой находилась маленькая допросная, по совместительству столовая. Стены в ней были выкрашены не в ярко-желтый, как во всем участке, а в темно-зеленый. Чендлер где-то вычитал, что такой цвет настраивает людей на разговор.

Посетитель опустился на хлипенький пластмассовый стул, тот жалобно заскрипел. Чендлер устроился напротив, облокотившись на заляпанную горчицей столешницу. Надо узнать, кто сегодня дежурный. Скорее всего, он.

– Начинаем запись, – сказал Чендлер. – Сегодня двадцать третье ноября две тысячи двенадцатого года. Ваше полное имя?

– Гэбриэл Джонсон.

– Местожителство?

– Вообще я из Перта, но без... как это говорится...

– Без прописки?

– Вот, да, без прописки. Простите, все никак...

Гэбриэл огляделся по сторонам, как бы изучая помещение. Зацепиться взглядом, тут, впрочем, было не за что.

– Возраст?

– Тридцать лет.

Тон у парня был отрешенный – видать, случались в его жизни разные неприятности. Лицо, еще мальчишеское, покрывал густой загар, на котором отчетливо выделялись угревые шрамы.

– Что привело вас сюда?

– Искал работу.

– Какую?

– Любую, где требуются руки. Думал, здесь что-нибудь подвернется.

– Например?

– Не знаю. Слышал просто, что тут есть к кому наняться.

Его не обманули. В округе действительно хватало скотоводческих ферм и подсобных хозяйств, раскинувшихся на огромных площадях размером с небольшую страну. Гэбриэл как раз то, что нужно: жилистый, в еде

неприхотливый – главное, чтобы мясо давали, – готовый хоть копать колодцы, хоть перегонять и клеймить скот.

– Как вы познакомились с Хитом?

Услышав это имя, посетитель вздрогнул и не сразу взял себя в руки.

– Я был в Порт-Хедленде, приехал туда из Эксмута с попутным дальнобойщиком.

– Имя?

Гэбриэл небрежно дернул плечом.

– Ли... как-то там. В общем, китаец, лет под пятьдесят. Толстый такой. Курил самокрутки, держал их в кабине за козырьком. Вот и все, собственно.

– И в Порт-Хедленде вы расстались? – спросил Чендлер.

– Да, он поехал дальше, в Дарвин.

– А что вы делали в Порт-Хедленде?

– Спал.

– Где?

– В парке.

– В каком?

Гэбриэл пожал плечами.

– Не знаю. Не интересовался. Парк как парк: трава, деревья... скамейки.

Чендлер сделал пометку вернуться к этому месту позднее.

– Ладно. Что было дальше?

Парень немного успокоился, хотя голос у него все еще подрагивал и срывался.

– На следующий день я решил отправиться в глубь материка на заработки.

– А на побережье чем хуже?

– Знакомый в Эксмуте сказал мне, что чем дальше от побережья, тем прибыльнее. Большинство крутится на побережье, типа передвигаться легче, вот только конкуренция такая, что работодатели платят гроши. Да и просто интересно посмотреть было...

Гэбриэл замолчал, как будто забыл, что хотел сказать. Чендлер с вопросами не встречал, давая ему возможность самому собраться с мыслями.

Встряхнув головой, Гэбриэл продолжил:

– Так вот, иду я по дороге... в сторону от трассы. – Он посмотрел на Чендлера. – Номер не знаю.

Зато Чендлер знал. От трассы номер один ответвлялось девяносто пятое шоссе на Уилбрук. Он много раз катался по этому шоссе туда-сюда, когда только начал встречаться с Тери – бойкой, разбитной девицей с побережья. Тогда он еще не знал, что она никогда не свыкнется с жизнью вдали от моря.

– Иду я, в общем, солнце жарит и слепит. Тут слышу: сзади гудит машина. Вытягиваю руку. Без особой надежды, до этого двое уже проехали мимо... А этот взял и остановился.

– Описать машину можете?

Чендлер оглянулся на полупрозрачное зеркало, за которым сидела Таня. Хоть бы все записалось. В последний раз допрос в участке проводили с год назад, по бытовухе. Джун Тьендали надоело, что муж проводит вечера не с ней, а со своими голубями, и в пылу ссоры сломала ему руку хоккейной клюшкой.

– Большая, угловатая такая. Марку не помню: логотипа, кажется, не было. Темно-коричневая... а может, просто грязная, даже окна заляпаны. Один стоп-сигнал не работал, это мне запомнилось. Я, конечно, сразу поспешил к ней: вдруг водитель передумает и уедет. – Гэбриэл поднял печальный взгляд. – Лучше бы он уехал.

– Номер не запомнили?

– Нет, он тоже был в грязи. Возможно, специально заляпан.

– Ладно. Продолжайте.

– В общем, сажусь. Наверное, стоило сперва присмотреться, но уж очень хотелось найти работу, чтобы кров там и кормежка.

– Что можете сказать про водителя? Ну, про Хита?

Чендлер приготовился записывать приметы. Хотелось чего-нибудь посерьезнее, а не как с машиной: большая, грязная, ни марки, ни номера. Таких на местных дорогах через одну.

Гэбриэл опустил веки и вздохнул. Чендлер его не торопил. Он перевел взгляд на свое отражение. Из зеркала на него смотрел усталый полицейский, чьи голубые глаза казались особенно пронзительными на фоне черных кругов.

– Ростом... чуть пониже меня. Брюнет. Загорелый, как будто много работает на улице. Крепкий. Сказал, что ему тридцать, как и мне... Дерганный, правда, какой-то. – Гэбриэл помолчал. – Знаете, тогда я не обратил внимания, но было в нем что-то... зловещее.

– В смысле – «зловещее»?

– Трудно сказать... Борода скрывала его лицо. Он как будто сливался с тенями.

Гэбриэл посмотрел Чендлеру в глаза, как бы ища подтверждения, что он не сумасшедший.

– Вот только не надо говорить мне, типа, кретин, нашел, где попутку ловить! – вдруг взорвался парень. – Нормальный мужик – ну, или мне так показалось. К тому же я был уверен... почти... что смогу за себя постоять в случае чего. Он сказал, что его зовут Хит и что ездил в город за покупками. Это тоже успокаивало. Убийца представляться бы не стал... Или как?

Он снова вопросительно посмотрел на Чендлера. Тот кивнул, правда, скорее для вида. По сути, что мешало маньяку поболтать с намеченной жертвой? Как бы то ни было, заключил Чендлер, подобная раскованность указывала на то, что Хит чувствовал себя уверенно и спокойно, что схема у него вполне отработана.

Пятьдесят пятый... В животе защекотало от азарта вперемешку со страхом: там кружили даже не бабочки, а стервятники. Дело вырисовывалось нешуточное. Пока парень разговорился, надо было выудить из него как можно больше подробностей.

– Что-то еще он про себя рассказывал?

– Говорил, что вроде как здешний.

– Из Уилбрука?

Никаких Хитов в округе Чендлер не припоминал – не исключено, что имя вымышленное. Значит, надо подумать, кто мог бы прикончить столько народа. Психов в Уилбруке хватало, но чтобы настолько – вряд ли. Так, по крайней мере, казалось.

– Не знаю... нет, наверное... просто здешний. Хотя выговор у него как будто восточный. Да и какая мне разница – водила как водила. Я же не спутника жизни искал.

Чендлер молча кивнул, ожидая продолжения.

– Сказал ему, что сам из Перта. Далековато заехал, отвечает он. Ну так, на заработки, говорю. И добавляю: пустынно тут у вас, но что-то в этом есть. – Гэбриэл повел плечами и поморщился. – Соврал, конечно. По опыту знаю – когда тебя подвозят, немного лести не повредит. Проститутки, небось, так же делают.

Чендлер присмотрелся, но не заметил на лице парня ни тени улыбки – значит, и правда убеждение такое.

– За час мы проехали мимо нескольких ферм. Я просил остановиться, типа, мне подойдет, но он сказал: нечего соваться туда, куда все лезут. Это все равно что идти к первому попавшемуся водопою, который уже весь вытоптан и взбаламучен. Там к тому же кидают на деньги – в общем, дальше лучше. Я спросил, случалось ли ему работать у кого-нибудь; наводка или контакт мне бы не помешали. Он не ответил. Думаю, была какая-нибудь неприятная история, и он не хотел о ней распространяться.

Чендлер сделал пометку: поспрашивать по окрестным фермам, не подрабатывали там некто по имени Хит.

– Еще через полчаса началась форменная пустыня, – продолжал Гэбриэл. – Не представляю, как там можно было что-то растить и тем более разводить скот. Вдобавок захотелось пить. Ехали с окнами нараспашку, и все равно жарило нестерпимо. Он, наверное, прочитал мои мысли. На заднем сиденье канистра, говорит, попей. Тут-то я и попался.

– Что-то не так с водой?

Гэбриэл кивнул.

– Да. У нее был какой-то мучнистый привкус, но я не придавал значения. Пить хотелось очень, понимаете? – Он печально вздохнул. – Меня сразу начало клонить в сон. Сперва я подумал, это от духоты, но становилось только хуже. Руки не слушались, такое ощущение, что их отделили от тела. Помню, оборачиваюсь к Хиту, а он смотрит на меня как ни в чем не бывало, будто сто раз такое видел. Даже на дорогу не смотрит. Кажется, это тянулось часами. Потом его лицо растворилось в тени, и я вырубился. Он что-то подмешал в воду, точно вам говорю.

Гэбриэл снова заводил глазами. Чендлер знал, что это означает: жертва пытается вспомнить, как все было, но память подводит.

– Очнулся я в каком-то сарае. Понятия не имею, сколько я там провалялся, но сквозь щели еще пробивалось солнце, так что, наверное, пару часов, не

больше. – Лицо у него вдруг стало обеспокоенным. – Сегодня, случайно, не пятница?

– Нет, четверг, – успокоил Чендлер.

Гэбриэл с облегчением вздохнул. Значит, он не выпадал на день из жизни. Более того, он живой.

– Руки у меня были прикованы к потолочной балке.

– Прикованы? – переспросил Чендлер.

– Да... такими тяжелыми железными полукольцами, через которые продета цепь, прикрепленная к балке. Такие же на ногах, только ни к чему не прикрепленные. Пошевелиться в них, правда, было нельзя. Хотя сбежать все равно бы не получилось. Он меня запер.

– Где вас держали? На ферме? В лесу? На заднем дворе?

– Вон там, где холм. В щели между досками было видно деревья, – ответил Гэбриэл. – Еще в сарае лежали пилы, топоры и прочий инструмент. Ничего необычного, но когда на тебе цепи, все становится похожим на орудие для убийства.

– Что-нибудь еще можете вспомнить? Какие-нибудь звуки, запахи?

– Ну... Пол земляной, в углу небольшая поленница. Из-за стены доносились шаги – сарай, наверное, примыкал к дому. Я заорал: «На помощь!» На крик пришел Хит. Я спросил, где мы, он сказал: дома. Я стал умолять его, чтобы он меня отпустил. Ничего никому не скажу, говорю. Успокойся, отвечает он. Голос у него был раздраженный, как будто я оторвал его от каких-то важных дел.

Гэбриэл зашевелил ногами под столом, глаза снова забегали по комнате.

– Простите... Мне как-то не по себе в тесном помещении.

– Может, дверь открыть?

– Да, пожалуйста.

Чендлер открыл дверь в основное помещение, где у дальней стены стояли серые сейфы, а под потолком были проделаны небольшие окошки. Гэбриэл уставился на них.

– Он подошел вплотную ко мне. Ну, думаю, сейчас мне точно несдобровать. Тут он говорит: «Ты – пятьдесят пятый» – и отходит. Я побоялся спрашивать, что это значит, а потом вдруг понял...

Гэбриэл замолчал.

– Поняли что? – спросил Чендлер, желая услышать подтверждение своих догадок.

– Что я буду пятьдесят пятой жертвой.

Несмотря на страшную жару, по спине Чендлера пробежал холодок. Было видно, как Гэбриэл заново проживает те ужасные минуты. Под окровавленной футболкой шевелились мускулы, жилы на руках напряглись, в глазах застыл ужас.

– Напоследок он сказал, чтобы я не беспокоился: вопрос с моей смертью уже решенный. Так написано.

– В смысле – «так написано»?

Гэбриэл пожал плечами.

– Ни малейшего понятия.

Чендлер сделал себе пометку.

– Ладно. Что дальше?

– Нужно было спастись, поэтому, как только он ушел, я попробовал снять наручники. – Гэбриэл продемонстрировал содранные ладони и алые разводы на запястьях, где железо вырвало куски кожи вместе с волосками. – Я тянул, пытаюсь вырвать цепь из потолка, и все время звал на помощь. Хит больше не приходил. Он явно не боялся, что кто-то услышит. Тогда я понял, что людей поблизости нет... Наконец мне удалось сломать один замок, но второй наручник не поддавался. Свободной рукой я дотянулся до верстака. Чуть плечо не вывихнул, но сумел подцепить топорик. Стал бить им по железке, стараясь ничего себе не отхватить. Бью и думаю: а ну как Хит зайдет и застукает. Мне нужно было удирать оттуда, иначе конец. Я сперва притих, но вдруг испугался, что мое молчание его насторожит, поэтому снова начал орать, чтобы не было слышно металлического лязга. Гремело что твои церковные колокола.

Он остановился. Чендлер кивком попросил продолжать. Парень наконец разговорился, будто его прорвало. Удивительно, насколько четко события отпечатались у него в памяти.

– Как-то мне удалось разомкнуть наручник – прямо суперсила какая-то появилась – и высвободить руку. Ключ от кандалов на ногах болтался рядом, на гвоздике, так что снять их было делом нескольких секунд. Отчего-то мне стало еще страшнее, чем когда я был прикован. Я дернул пару раз ворота сарая, но на них, видимо, висел замок. Единственный выход – дверь в дом, откуда приходил Хит. Я открыл ее, за ней была просторная комната, забитая всякой всячиной.

Гэбриэл шумно выдохнул, как будто все это время сидел, задержав дыхание.

– А где был Хит? – спросил Чендлер.

– Он сидел там же, за столом, среди кучи бумаг и карт. На стене висело большое распятие. Я прокрался ко входной двери, налег на нее, а она, как назло, закрипела. Хит поднял голову, и мы, застыв, уставились друг на друга. Потом я побежал. Оказавшись снаружи, я понял, что мы в какой-то лощине: кругом были только земля и деревья. Куда бежать – непонятно, поэтому я рванул направо.

– Почему направо?

– Откуда мне знать? Я правша, может, поэтому... Там, куда ни глянь, везде одно и то же. Ноги после кандалов не слушались, но я знал, что нужно бежать – вдруг

у него пистолет?

Чендлер буквально видел, как сердце вот-вот выскочит у Гэбриэла из груди. Тот снова переживал самые ужасные моменты своей жизни. Парень глубоко вдохнул, втягивая остатки кислорода, и продолжил:

– Я побежал к обрыву. Оглянувшись, увидел, что Хит гонится за мной. Тут я поскользнулся и вылетел на поляну. Она была вся перекопана. – Глаза Гэбриэла расширились. – Там были могилы.

К гнетущей духоте, царившей в помещении, добавилось еще что-то зловещее.

– Могилы? – уточнил Чендлер, нахмурившись. – Как вы это определили?

– Ну... – Гэбриэл замялся. – Мне так показалось. Помню, первой моей мыслью было, что я на кладбище. Черные прямоугольные холмики... пять или шесть, может, семь...

Парень замолчал и испуганно посмотрел на Чендлера, словно только сейчас осознал, что побывал на волосок от смерти.

– Я поднялся и побежал дальше. На пути – холм. Вот, думаю, сверху будет видно, куда потом, но там оказался обрыв. Не надо было останавливаться...

Еще один вдох, чтобы взять себя в руки. На щеках напряглись желваки.

– Тут он меня и настиг. Я кое-как отбивался, но все без толку... Он будто не чувствовал моих ударов. Повалил меня на землю, мы стали бороться, и вдруг... лечу. Словно в невесомости. Бывало с вами такое?

– Нет, не бывало.

– Странное чувство, но прекрасное. Пока не приземлишься. Такое ощущение, будто столкнулся с поездом. У меня будто дух вышибло из тела. Ну, думаю, все кончено, отправляюсь на небеса.

Гэбриэл посмотрел на сержанта, чтобы убедиться, верят ему или нет.

Несмотря на проповеди, которыми пичкали Чендлера и двух его детей родители, называть себя верующим он бы не стал. Религия для него была чем-то вроде огородных помидоров: потреблять легче, чем пестовать. Некстати вспомнилось, что у дочери – Сары, старшенькой – завтра первая исповедь и после работы он обещал порепетировать с ней: что говорить, когда опускаться на колени, когда вставать...

– Через какое-то время я очнулся – во второй раз за день – и опять не понимал, где нахожусь. Передо мной была отвесная скала, и я вспомнил, как падал. Все болело. Вдруг я подумал: а где же Хит? Он лежал рядом, лицом вниз, а вокруг все в крови.

– Мертвый?

Смерть подозреваемого сильно упростила бы жизнь Чендлеру.

– Не знаю.

– Как это не знаете?

– Вот так вот и не знаю. Мне что, надо было у него пульс проверить? А вдруг он прикидывался? Нет, сержант, я смотрю фильмы и знаю, как бывает. Поэтому сразу убежал.

– А он остался там?

Гэбриэл кивнул. Стало быть, констатировать смерть Хита нельзя и действовать следует из предположения, что он жив. Неопределенность раздражала. Надо объявлять поиск, прочесывать лес... Впрочем, если Гэбриэл добрался до города всего за несколько часов, то, возможно, глубоко заходить не придется, а значит, есть все шансы разыскать Хита, откачать и арестовать.

– Как вы добрались до города? – спросил Чендлер.

– Повезло. С пару часов я плелся куда глаза глядят, а потом увидел грунтовку. Пошел по ней, думал, встречу кого-нибудь, мне помогут, но никого не было. Тут я заметил на обочине брошенный велосипед. Ржавый насквозь, того гляди

рассыплется, но выбирать не приходилось. Доехал кое-как до выезда на дорогу, увидел впереди город и направился туда. Шарахался от каждой машины: все казалось, что из какой-нибудь выскочит Хит или что меня спихнут в кювет и там добьют.

– Что за дорога, помните? – уточнил Чендлер.

Это помогло бы сузить круг поисков.

– Без понятия. Все как в тумане... Даже не припомню, была ли там табличка. Просто грунтовка и выезд. Он гнался за мной, понимаете? Эта скотина... гналась за мной. Но я сбежал.

Гэбриэл обмяк. Рассказ о пережитом полностью вымотал его, хотя и позволил сбросить часть груза с плеч. Глаза Гэбриэла были закрыты, положение тела выдавало облегчение и настороженность с налетом страха.

– Теперь вы в безопасности.

Гэбриэл открыл глаза, на лице появилась усталая, вымученная улыбка. Между губами мелькнули идеально ровные зубы – результат хорошей наследственности или работа высококлассного ортодонта.

– Я хочу домой, – проговорил он.

– Вы, кажется, говорили, что у вас нет дома.

– Нет.

– Куда же вы отправитесь?

– Да куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

– Подыщете ферму в другом месте?

– Нет, к черту, завяжу с этим.

– Я попросил бы вас задержаться.

Улыбка Гэбриэла померкла, он нахмурился. Такая перспектива ему явно не нравилась.

– Зачем это?

Показания потерпевшего записаны, так что формально Чендлер обязан его отпустить, но делать этого было нельзя. Сержант попытался сообразить какой-нибудь предлог.

– Вы нам понадобятся на опознании.

Ответный взгляд Гэбриэла заставил сержанта задуматься, не раскусил ли тот его уловку. Глаза прекратили бегать и смотрели внимательно и сосредоточенно, как бы умоляя Чендлера рассказать правду и не юлить.

– И где меня будут держать?

Первой мыслью было поместить Гэбриэла в одну из камер, но напуганного парня так не заманишь. А вот если предложить ему переночевать в комнате, на хорошей постели...

– У нас в городе есть отличная гостиница.

Чендлер, конечно, слукавил. Номера Олли Орландера хоромами не назовешь, но для наемного работника, привыкшего спать в бытовках на двадцать человек, сойдет.

– Ладно, – без энтузиазма согласился Гэбриэл.

– Охранять вас будет наш сотрудник.

Чендлер уже решил, что поручит это Джиму – тому все равно чем заниматься, лишь бы от кроссвордов не отвлекали.

– Мне связаться с кем-нибудь из ваших родственников?

– Нет, – резко ответил Гэбриэл.

От доверительной обстановки, которую пытался создать Чендлер, не осталось и следа. Семья, видимо, болезненная тема для парня.

– Совсем ни с кем? – все-таки уточнил Чендлер.

Гэбриэл медленно мотнул головой.

– А почему?

Вопрос рискованный, но привычка искать уязвимые места собеседника, чтобы впоследствии использовать на допросе, вырабатывалась годами, и не так-то просто было ей изменить. В такие минуты она выводила из себя и самого Чендлера.

И снова тот же ледяной взгляд, как бы говоривший, что спрашивать дальше не стоит. Чендлер послушался. Парню и без того порядком досталось, не хватало еще, чтобы кто-то лез в его личные проблемы. Впрочем, Гэбриэл все-таки ответил:

– Они умерли, сержант.

На лице у парня не дрогнул ни единый мускул, будто на эмоции не осталось сил. Похищение, угроза смерти, побег, травмы и лишения – неудивительно, что организм Гэбриэла начал понемногу отключаться.

– Сержант. – Его голос вдруг стал тихим и обволакивающим. – При рождении каждому из нас дается потребность в родителях и умиротворение от религии. Я лишился и того, и другого.

– То есть?

Гэбриэл вздохнул и прикрыл глаза.

– Да так, вспомнилось. Сержант, я устал, раздражен и напуган. Отпустите меня поспать.

Чендлеру не терпелось продолжить допрос, однако все ниточки, за которые можно было потянуть, уже оборвались.

Он вывел Гэбриэла в приемную; тот шел, пошатываясь, как будто в изнеможении. Таня едва заметно кивнула начальнику – значит, запись прошла успешно.

– У нас есть что-нибудь из одежды? – спросил Чендлер.

– Да так...

Таня порылась в коробке с вещами и достала оттуда грязную оранжевую футболку с небольшим логотипом на груди, пожалуй, самую приличную из того, что там было: эту одежду не брала даже Армия Спасения.

– Это еще зачем? – спросил Гэбриэл.

– Наденьте.

– Мне есть в чем ходить. – Он указал на свою окровавленную футболку. – Не хочу быть обузой.

– В таком виде в город нельзя. Людей распугаете.

Чендлер вывел потерпевшего во двор, где стояли ослепительно-белые полицейские машины.

– У меня не так много вещей, чтобы ими разбрасываться, – сказал Гэбриэл уже немного спокойнее. – Даже эту футболку жалко.

Знакомое чувство. В детстве Чендлер тоже не любил расставаться с вещами. Как-то раз они с лучшим другом – бывшим другом – Митчеллом чуть не подрались из-за старого футбольного мяча, хотя тот был настолько заигран, грыжа на грыже, что и кататься перестал.

– Никто у вас ничего не отнимает, просто переоденьтесь, – сказал Чендлер. – Считайте, что это подарок.

Гэбриэл взял футболку.

– Ладно, только сначала помоюсь.

4

Чендлер завел автомобиль и выехал в город. Под дневным солнцем салон тут же превратился в духовку, в которой плавилась черная обивка, а пассажиры тушились в собственном соку.

Они ехали по проспекту мимо семейных лавочек и заколоченных магазинов. Чендлер поглядывал на Гэбриэла. Тот спокойно и умиротворенно развалился на сиденье. Чендлер пообещал ему полицейскую защиту и надеялся, что не подведет.

– Тебе точно не нужно к врачу? – спросил он.

– А зачем? Со мной все в порядке; так, ушибы да ссадины. Больно, конечно, зато буду знать, что надо держать ухо востро.

– Прямо как с бывшей женой, – усмехнулся Чендлер.

Парень изобразил что-то вроде улыбки.

– Давно?

Голос звучал расслабленно, под стать позе. Вместо нервной дрожи – спокойный, доверительный тон ночного диджея на радио, который ставит тоскливые мелодии, вгоняющие слушателей в сон. Складывалось впечатление, что в пассажирском кресле сидел совершенно другой человек.

Чендлер прикинул в уме.

– Семь лет уже... Точнее, семь с половиной.

– Прилично так. Скучаете?

– После того как она пригрозила, что отберет детей – нет.

– Ничего себе, – проговорил Гэбриэл. – И как, есть за что?

Чендлеру не очень хотелось обсуждать эту тему с незнакомцем, но его голос вызывал на откровенность. Чендлер чувствовал себя радиослушателем, который, мучаясь бессонницей, позвонил в студию и в прямом эфире рассказывал о своих бедах и трудностях.

– Не-а.

– И сколько у вас детей?

– Двое. Пожалуй, единственное хорошее дело в моей жизни. – Чендлер улыбнулся и посмотрел на пассажира. – Два хороших дела.

Разговоры о Тери выматывали душу, зато он никогда не упускал случая похвалиться детьми, как бы компенсируя этим невозможность уделять им достаточно времени. Работа есть работа: отчеты, проволоочки, иногда надо задержаться, а иногда и выйти в неурочное время.

– Сколько лет?

– Саре почти одиннадцать, Джасперу скоро девять.

– Сара и Джаспер... Хорошие имена, – сказал Гэбриэл, но скорее из вежливости.

– Ну а у тебя есть кто-нибудь? Девушка, братья, сестры? Может, двоюродные родственники? – спросил Чендлер.

– Никого нет. – Гэбриэл тряхнул головой, в голосе прорезалась грубость, как тогда, в участке.

– Прости.

Чендлеру трудно было представить человека совсем без родных.

Гэбриэл какое-то время молча смотрел на сержанта. Взгляд вызывал неприятную дрожь.

– Ладно, я привык, – бросил он.

– Ты говорил, что лишился не только родителей, но и религии... – закинул удочку Чендлер.

Они свернули у памятника Стюарту Макаллену, шотландцу, который обнаружил в окрестностях залежи железа и тем самым вернул городу жизнь – хотя бы на несколько десятилетий. С тех пор выработку забросили, и молодежь потянулась в более перспективные края. Винить их не за что. Работа нужна всем, а тут ее не сыщешь.

Гэбриэл так ничего и не ответил. Может, те слова и правда ничего не значили – просто вырвалось, – а может, ему не хотелось говорить о семейных дразгах с чужим человеком. Чендлер, впрочем, тоже не горел желанием обсуждать предстоящее разбирательство по поводу детей.

Они проехали мимо яркой оранжевой веранды «Ред-инн». На вывеске с гордостью сообщалось, что отель открылся еще в конце XIX века. Правда, при этом не упоминалось, что он дважды менял местоположение и в этом здании обосновался только в 1950 году. В том же году родилась мама Чендлера.

Из задумчивости сержанта вырвал вопрос Гэбриэла:

– Ну и что вы будете делать дальше?

– Проведем расследование по всей форме.

– И в чем она состоит? Поверьте, мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что у вас все под контролем.

– Ты нам не доверяешь?

Гэбриэл неопределенно улыбнулся.

– Мы знаем свою работу, мистер Джонсон. Я занимаюсь этим уже больше десяти лет.

– И как часто вам приходилось иметь дело с серийными убийцами?

Меткое замечание.

– Сначала поселим тебя в гостинице, а потом займемся составлением ориентировок...

– Простите, чего? – перебил Гэбриэл.

– Ориентировка – это документ со словесным портретом подозреваемого.

– А, ясно. Нужная штука.

– Эти ориентировки мы разошлем по всему штату, а также в Северную Территорию и Южную Австралию – на всякий случай. Потом отправим в район холма поисковую группу, чтобы найти вашего похитителя – или его тело, – а также кладбище, про которое вы рассказывали. Хотя, признаться, отыскать его – Хита, – учитывая площадь, будет очень непросто, особенно если он уже давно скрывается там.

Последние слова как будто бы заставили Гэбриэла понервничать.

– Еще подключим к поискам вертолет или самолет.

– Словом, поиски преступника ничем не отличаются от поисков пропавшего без вести?

– Да, общего много.

– Это же все равно что искать иголку в стоге сена.

Чендлер вздохнул.

– Другими средствами, увы, не располагаем. Будем брать количеством: он один, нас сотни.

– Как Иисус против толпы неверующих.

Чендлер бросил взгляд на парня.

– То есть ты все-таки верующий?

– Ну, допустим. – Гэбриэл хмыкнул. – А вы?

– Скажем так, я верю, что религия учит детей отличать хорошее от плохого. С возрастом они научатся принимать решение самостоятельно. В конце концов, Бог никому религию не навязывает.

– Да уж... Если бы все верующие придерживались того же принципа.

Разговор резко иссяк. Впрочем, они все равно уже подъехали к «Гарднер-палас» – приземистому трехэтажному зданию, как бы выточенному из единой глыбы камня. Ярко-рыжее, оно даже выделялось на фоне пыли, усеивавшей все вокруг. Черную крышу выкрасили в белый, чтобы не так притягивала жару, с похожей целью на окна навесили деревянные ставни. Реальной пользы это практически не приносило.

В узком холле гостей приветствовали два залатанных кресла. Не «Риц», конечно, но если вдруг очень надо кого-то разместить, сгодится.

Навстречу им вышел хозяин гостиницы, Олли Орландер. Его бесформенный живот вываливался из штанов, будто комок слипшихся макарон. Олли с превеликим удовольствием устраивал на ночлег свидетелей и потерпевших. Счета оплачивала казна, поэтому он без зазрения совести селил их в самый

дорогой номер, который невесть почему назывался президентским люксом.

Олли смерил Гэбриэла презрительным взглядом, сразу давая понять, кто тут хозяин. Неудивительно, что постояльцы в гостинице особо не задерживались – в том числе из-за подобного отношения. Чендлер лично считал, что приветливость куда приятнее, чем нескрываемая подозрительность.

Олли, прищурившись, посмотрел на сержанта.

– Он тут, часом, ничего не ломает?

– Это не преступник.

– Чего тогда вы его сюда привели?

– Он важный свидетель. Нам нужно поселить его где-нибудь на ночь.

– В люксе? Как обычно?

– В люксе, как обычно... – устало кивнул Чендлер.

– Как пожелаете. – Широкое лицо расплылось в кривой ухмылке.

Олли ушел за бумагами, а Чендлер повел Гэбриэла наверх.

– Люкс – это, конечно, преувеличение... – предостерег он.

– Если там есть ванная с горячей водой и удобная кровать, то мне больше и не надо.

Чендлер пригляделся к парню. Тот снова обеспокоенно забегал глазами, будто ожидая, что за очередным углом его подстерегает Хит.

– Снаружи будет дежурить наш сотрудник.

– Нет нужды, сержант.

Они подошли к двери «президентского люкса».

– Это не обсуждается, – сказал Чендлер.

Не хватало еще, чтобы Гэбриэла сгубила бравада.

5

Некоторое время спустя приехал констебль Джим Фолл – как обычно, с кроссвордами. Из машины он выкарабкивался постепенно: правая нога, левая, руки и наконец долговязый торс. Как он умудрялся не застревать в тесных шахтах, Чендлер не представлял. Несмотря на то что Джим служил в полиции на два года дольше, выше констебля он так и не поднялся. Уровень ответственности его вполне устраивал. Впрочем, все приказы он выполнял безукоризненно.

– Моя задача? – спросил Джим с зевком и запустил пятерню в седеющую шевелюру.

– В гостинице свидетель. Его нужно посторожить.

– Что, порывается сбежать?

– Возможно. Не знаю.

Придя в себя и отдохнув, Гэбриэл наверняка додумается покинуть Уилбрук – собственно, именно поэтому он был против того, чтобы к нему приставляли охрану.

– Приглядывай за ним, – добавил Чендлер напоследок, пока Джим устраивался под навесом рядом с кафе «У Анни» через дорогу от гостиницы.

Чендлер вернулся в участок. Таня как раз вызвонила последнего сотрудника – Луку Гргича. Тот протер заспанные глаза и смерил сержанта взглядом, в

котором явно читалось, как он относится к тому, что его дергают в выходной. Впрочем, несмотря на молодость, взрывной характер и обиду на то, что Чендлер с Таней его якобы затирают, ссор с начальством ему хватало ума не затевать. Вспышками амбиций он порой напоминал Митча.

Чендлер поспешил выкинуть из головы непрошенные воспоминания о бывшем напарнике. Есть заботы и поважнее.

– Ну что, шеф, в чем дело? – спросил, позевывая, Лука.

– Случилось нечто серьезное.

Лука нахмурился, из-под соболиных бровей угольками сверкнули глаза, которые влюбились в себя добрую половину женского населения Уилбрука. Если бы в городке выбирали самого выгодного жениха, Чендлеру ничего бы не светило. Лука выигрывал без борьбы.

– К нам обратился потерпевший с заявлением, что его похитили и держали на холме Гарднера. Похитителя якобы зовут Хит; по описанию лет тридцати, среднего роста, крепкого телосложения, брюнет, носит бороду. Загорелый, как будто много работает на открытом воздухе. Потенциально опасен, возможно, вооружен.

– Что мы собираемся ему предъявить? Нападение? Похищение? – спросил Лука.

– Покушение на убийство. – Чендлер помолчал и окинул взглядом подчиненных. – Также у нас есть основания полагать, что это не первая его жертва.

– Ура!

Чендлер обернулся на выкрик. Устыдившись столь бурного проявления эмоций, Ник откатился обратно к своему столу и притворился, что пишет. Последняя ремарка просто не могла не взбудоражить его. Чендлер не сомневался, что парень знает биографии всех серийных убийц – так живо он ими интересовался.

Чендлер посмотрел на Таню. Она набивала ориентировку, поэтому не слушала его.

– Таня, сколько тебе еще...

– Уже все.

Чендлер пробежал глазами текст.

– Отлично, отправляй.

Щелчок мышкой, и ориентировка разлетелась по всем полицейским участкам плато Пилбара, Северной Территории, Западной и Южной Австралии. Копия сообщения попадет и в полицию штата. Очень скоро Уилбрук окажется в центре пристального внимания.

Дабы не сидеть сложа руки, Чендлер решил прикинуть область поиска и загрузил на компьютере карту окрестностей. С экрана казалось, что небольшой группы хватит: отметок и горизонталей практически не имелось, однако по старым, потрепанным бумажным картам, разложенным на столе, было видно, насколько территория огромна. Да, на ней пусто, но этой пустоты чертовски много.

– Вам нужно позвонить в управление, – напомнила Таня.

Чендлер не забыл. Он просто оттягивал, поскольку знал, чем это чревато. Управление находилось в Порт-Хедленде, и там работал Митч.

– Я в курсе.

– Тут нужно человек двадцать или около того... – предположил Лука. Сразу видно, на холме он никогда не был.

– Это если очень повезет, а так минимум втрое больше, – сказал Чендлер и обратился к Тане: – Попробуй договориться, чтобы подняли вертолет или самолет. Пусть посмотрят с воздуха – вдруг чего-нибудь заметят. Это могло бы сузить круг поисков... Лука, а ты проверь, нет ли у нас в базе кого-нибудь по имени – или по фамилии – Хит. В первую очередь интересуют те, кто проходил по делу о похищении или убийстве. Все, что найдешь, мне на стол.

Подчиненные отправились выполнять поручения, сержанту же осталось самое страшное: звонок Митчу. Если он вмешается, то Чендлер из командира превратится в мальчика на побегушках.

С другой стороны, судя по рассказу Гэбриэла, они имеют дело с особо опасным преступником. Чтобы поймать его, необходимо оцепить район, установить дорожные заставы, прочесать окрестности холма и близлежащие фермы...

Впятером тут явно не справиться.

Только Чендлер потянулся за трубкой, как снаружи кабинета послышался голос Ника. Своим мельбурнским выговором он напоминал иностранца.

– Сержант, код ноль-ноль-один!

Так они между собой в шутку называли звонки матери, которая названивала Чендлеру по любому поводу. Небось, отец опять решил что-то сделать в обход ее запретов – например, вытащить надувной бассейн из гаража, сейчас как раз лето. Услуга за услугу: мама сидит с детьми, а Чендлер разбирается.

Как же некстати.

– Что ей надо, Ник? – крикнул Чендлер.

Послышался сдавленный смешок. И этот туда же, раздраженно подумал сержант. Или почудилось?

– Что-то там с Сарой!

– Ладно, переводи на меня!

Он схватил трубку сразу же, как только телефон затрезвонил.

– Чендлер, ты?

– Да, я, мама. – Он вздохнул.

– У твоего новенького такой выговор. Я сначала подумала, что не туда попала.

– Мам, ты названиваешь по два раза на дню.

– А вот и нет.

Она говорила мягко, но с убежденностью человека, который давно осознал свое место в этом мире. Чендлер решил не спорить. Еще бессмысленной ссоры ему не хватало.

– Что там с Сарой?

– Ах да, Сара. Приходи поскорее домой и поговори с ней. Она очень боится завтрашней первой исповеди.

– Чего там бояться? Сказать нужные слова, встать на колени, подняться – и все.

– Ей десять.

– Спасибо, мама, я знаю, сколько ей лет.

– Ты, между прочим, в ее возрасте засыпал с включенным светом...

Чендлеру не хотелось в сотый раз выслушивать эту историю, поэтому он перебил:

– Ну а вы с папой не можете помочь?

– Можем, но будет лучше, если поговорит родной отец.

– Я занят.

– Так таки и занят?

– Успокой ее, мам. Я приду попозже и обязательно с ней поговорю. Или пусть подружки ее поучат.

– То есть ты предлагаешь переложить ответственность на другого десятилетнего ребенка? – спросила она с возмущением.

Мысль и вправду далеко не лучшая, однако в данный момент голова сержанта была забита более насущными делами.

– Все, мама, мне пора, – сказал он и повесил трубку.

В наступившей тишине Чендлер вспомнил про Гэбриэла: про то, как он вел себя здесь, в участке, и каким спокойным, обволакивающим голосом разговаривал в машине. А что, если он все выдумал, чтобы на него обратили внимание – скажем, решил разнообразить монотонную жизнь? Или, может, ищет «славы» и признания? Серийным убийцам этого часто не хватает... С другой стороны, испуг казался неподдельным, кровь и синяки тоже были настоящими, как и содранная кожа на запястьях. Следовательно, оставалось одно... Где-то в округе скрывается настоящий маньяк.

Чендлер посмотрел на телефон. Может, Митч все-таки отправит кого-нибудь другого? Он надеялся, что им никогда больше не придется работать вместе, но вероятность этого, увы, была крайне мала.

Ноябрь еще не кончился, но уже стояла жара. Чендлер держался возле опушки, передвигаясь зигзагом от ствола к стволу: голые ветки давали хоть какую-то тень. Остальные полицейские вели себя так же; все вместе они напоминали банду пьяниц в форме, заблудившихся в аутбэке и отчаянно ищущих воду и укрытие. Соленый пот щипал порезы от утреннего полусонного бритья. Не за тем он нанимался в полицию, чтобы по двенадцать часов шататься по раскаленной пустыне в поисках пропавшего туриста. Увы, рядовых вроде Чендлера с Митчем никто не спрашивает: им говорят – они делают.

У напарника хотя бы ноги как ходули и острый подбородок наподобие антенны – он легко перешагивает кочки и обходит торчащие из земли камни. Они с Чендлером почти ровесники, но Митч выглядит старше, лицо у него болезненно осунувшееся, а руки такие длинные, как будто их вытянули и оставили болтаться. В приступах злости он начинал ими размахивать, словно надувная фигура перед автосалоном – только без улыбки. Митч вообще редко улыбался.

Район Бандабару, где находился холм Гарднера, отличался крайней негостеприимностью. Здесь и непроходимые скалы, и леса, и камни, которые либо проваливаются под ногами, либо настолько острые, что рассекают даже кости. Как будто Бог решил поставить опыт, сможет ли кто-нибудь выжить в таких экстремальных условиях. Из оседлых поселений здесь был только Уилбрук, хотя в народе шутили: если ближайшее человеческое поселение в округе – Уилбрук, то пиши пропало.

Даже в двадцать первом веке никто не пересек Бандабару пешком. Попасть туда можно двумя путями: по грунтовке, идущей вдоль подножия холма Гарднера, или на вертолете – это если удастся посадить его на осыпающиеся камни, среди высоких деревьев и цепкого кустарника.

Вот здесь и пропал девятнадцатилетний парень по имени Мартин Тейлор. Он не объявлялся уже четыре дня, и сегодня с побережья на автобусе привезли собак-ищеек. Ввиду жары животным позволялась роскошь работать всего по три часа, тогда как люди надрывались по двенадцать.

Над головой стрекотал вертолет, вокруг раздавался задорный лай, а Чендлер пытался сосредоточиться на хрусте веток под ботинками. Глазами он искал Мартина, а умом – причины сочувствовать его положению. Нет, ну что понесло этого городского хлыща в безлюдную пустошь, да еще и без подготовки? Тропинок тут нет, полагаться можно лишь на зрение, компас и карту. Никакого тебе GPS. Эта местность осталась такой же, как и в юность Земли, два с половиной миллиарда лет назад: камни, деревья, песок – все сплавлено в одно, все сливается с небом, и куда идти – неясно.

Последней, кто видел Мартина, была Эленор Требич, хозяйка «Гарднер-палас», где парень заночевал по приезду в Уилбрук. На все вопросы она отвечала с присущим ей безразличием человека, для которого укладка и завивка на первом месте.

Она успела выкурить не одну сигариллу, поэтому рассказ сопровождался клубами дыма. Биллу Эшкрофту удалось составить портрет Мартина и примерно представить его снаряжение. Походные ботинки, солнечные очки. Легкая футболка – в полумраке фойе она светилась неприятным ядовито-зеленым светом. Небольшой рюкзак, явно не рассчитанный на долгий поход. Был очень зол, заметила Эленор, наверняка порвал с девушкой. Еще и со скандалом.

Напоследок Билл спросил, как всегда неподражаемо мрачно:

– Когда вернется, не сообщал?

Эленор мотнула головой. Придержать номер Мартин не просил, а остальное уже не ее дело. Разговор закончился, и она вернулась к своему гляцевому журналу.

По словам родных и друзей, Мартин увлекался туризмом, неоднократно совершал двухдневные вылазки на природу, что не помешало ему в данном случае нарушить два основных правила: не ходить в поход одному и сообщать о маршруте и предполагаемом времени возвращения надежному человеку. Назвать Эленор Требич «надежной» язык не поворачивался: она сменила трех мужей и регулярно разбивала машину по пьянке, – но не поставить в известность хотя бы ее значило расписаться в нежелании жить.

Единственным указанием на то, куда мог отправиться парень, служил ржавый «Холден»[3 - Holden – австралийская автомобильная марка концерна General Motors.], брошенный на лесной прогалине – импровизированной стоянке на холме Гарднера. Осмотр показал, что в баке одни пары?, а подвеска держится на честном слове. Как машина преодолела полный буераков подъем, оставалось загадкой.

В салоне обнаружился компас, колышки для палатки и куртка – по ночам еще сильно холодало. Аптечка валялась под пассажирским сиденьем. Видимо, Мартин забыл про нее впопыхах. А может, и нарочно.

Пока что мысль о том, что Мартин мертв, никому в голову не приходила – по крайней мере, вслух этого не произносили. Шептались, мол, он жив-здоров и даже не подозревает, что его ищут. Или поймал попутку и укатил в неизвестном направлении. А может, ушел на заброшенную выработку. Такое случалось.

Трижды за прошедшие два года борцы за окружающую среду незаконно проникали туда, а потом проваливались в какой-нибудь незасыпанный шурф. На поисково-спасательные работы выгоняли полицию. Двое борцов отделались переломами и внушительным штрафом, а вот третьему с ямой не повезло: он свернул шею. Труп обнаружили только через полгода. На холме тоже хватало природных пустот, лишь слегка прикрытых растительностью. Если Мартин провалился туда, его криков о помощи никто не услышит.

7

Рев шин, следом ругань. Чендлер с Таней вносили уточнения в ориентировку, в частности о том, что приближаться к подозреваемому опасно, а в участок, хромая, вошел незнакомец. В спину ему тыкал ружейный ствол. В роли конвоира выступал Кен Мэлоуни по кличке Козел, старик пятидесяти шести лет, выросший на уилбрукских улицах. Дикий взгляд подчеркивала неухоженная борода. Из полуграмотной, бессвязной речи Чендлер разобрал только, что, мол, вот, поймал ублюдка на своем участке... Кена вообще мало кто понимал.

Сержант украдкой покосился на коллег и успокаивающе кивнул, давая понять, что пока вмешиваться не надо. В этом году Кен уже приводил в участок людей, угрожая им ружьем. Тогда это была пара ребят-походников. Старик заявил, что его обокрали. Оказалось, те просто зашли попросить воды, а Кен неверно истолковал их намерения. В этот раз у него на мушке был какой-то мужчина. Чендлер хотел уже заверить его, что все будет в порядке, но тут у него перехватило дыхание.

Человек в точности подходил под описание Хита: ростом чуть ниже Гэбриэла, как тот и говорил, плотного телосложения, явно привычный таскать тяжести. Брюнет, волосы спутаны, будто их уже несколько месяцев не расчесывали; на лице недельная щетина, не такая выгоревшая, как волосы. Истекает потом. Одет в зеленую клетчатую рубаху с оторванным карманом, на шее цепочка с крестиком; образ дровосека дополняли короткие брюки. По всему видно: этот человек привык жить сам по себе, а еще запирает людей в сарае и потом убивать их. Окровавленная одежда только подкрепляла догадку.

– Ну, арестовывайте уже, – проговорил Кен, не отнимая ствола от пленника.

Чендлер жестом велел остальным сделать шаг назад. Кен был явно не в себе, и от него можно было ждать чего угодно.

– Хорошо, Кен, мы его забираем. Опускайте ружье.

Чендлер постарался придать голосу командный тон, но, судя по всему, вышло не очень.

– Это с чего это я буду опускать? – взревел Кен. – Говорю ж: опасный ублюдок.

– Так, всё, опускайте, – повторил Чендлер.

Если бы Кен знал, с кем имеет дело, подумалось ему, он бы и близко не подошел. Старик, может, и псих, но не дурак.

– И не подумаю! Арестовывайте его, и все тут. – Слова вязли в бороде, как будто она срослась настолько, что рот уже не открывался.

Чендлер подался вперед, чтобы лучше расслышать. Зря. Кен угрожающе перехватил ружье.

Пленник что-то невнятно забормотал – что-то умоляющее.

Чендлер решил подыграть старику.

– Ладно, ладно, Кен. Что он натворил?

– Точнее, за чем я его застукал.

Чендлер осторожно наклонил голову, стараясь не провоцировать Кена лишними движениями.

– Он хотел угнать мою тачку.

– У вас со двора? – уточнил Чендлер.

Если это и в самом деле Хит, ему нужна была машина, чтобы скрыться – или чтобы догнать сбежавшую жертву.

– Не-а, я был у Форты. Отстреливал чертовых кроликов. Воротился, а тут этот чертов ублюдок пытается завести мою тачку. А воровать – нехорошо. – Кен невинно заморгал: точь-в-точь кролик, на которых он якобы охотился.

Чендлер, однако, прекрасно знал, что все это брехня. Если Кен крутился у фермы Форты, значит, наверняка воровал яйца у наседок – но с этим можно разобраться в другой раз. Сейчас нужно было спровадить старика, взять его пленника под стражу и допросить.

– Нехорошо, Кен, нехорошо, – поддакнул Чендлер. – Передайте его нам, и мы его арестуем.

– Я не хотел... – начал было мужчина, но получил по спине ружьем и замолчал.

– Еще как хотел, а я тебя сцапал! – заорал Кен ему прямо в ухо, потом обратился к Чендлеру: – Там следы, по всему рулю следы! И не смотрите на его кровищу, я тут ни при чем. Он такой и был. Так что не пришьете.

– Я вам верю, Кен. А теперь...

– Даже пальцем не тронул, а ну, скажи-ка! – Кен ткнул пленника ружьем в спину.

– Да это не то... – промямлил тот.

– Во, во! Слыхали? – перебил Кен.

– Хорошо, – сказал Чендлер и обратился к потенциальному маньяку: – Вы в порядке?

– А по мне не видно? – с явной обидой отозвался тот. – Сами-то как думаете?

Он скривился от боли; на этот раз не от тычка ружьем, а от чего-то еще.

Кен, впрочем, не преминул воспользоваться случаем. Пленник захрипел.

– А теперь, парень, рассказывай, что сделал – точнее, что делал, когда я тебя сцапал.

– Кен, пожалуйста, мы сами разберемся, – настаивал Чендлер.

– Если он сознается, вы мне ничего не пришьете.

Пора кончать с этим, подумал Чендлер. Чем больше Кен заводился, тем нервнее потирал спусковой крючок.

– Никто не собирается ничего вам пришивать, Кен. Просто опустите ружье. Ну!

– Мы не сможем использовать его слова как доказательство, если вы и дальше будете угрожать ему оружием, – встрял Лука.

Чендлер бешено уставился на подчиненного. Формально тот прав, однако сейчас его замечание было очень некстати. Перед ними и так потенциальный маньяк – не хватало еще, чтобы у них на глазах совершилось убийство.

– Так, Кен, отдавайте ружье. Сейчас же!

Чендлер протянул руку, но никаким усилием воли не мог унять дрожь.

– Это мое.

– Его вам вернут.

– У меня есть на него разрешение.

– А разрешения наводить его на людей – нет.

– Даже когда ублюдок хочет угнать мою тачку?

– Вы привели его сюда. Этого достаточно.

– Он не сознался, – гнул свое Кен.

Мужчина снова скривился и плотно сжал зубы. Вид у него был разбитый и подавленный. Еще бы, так глупо попасться, и, главное, из-за кого – из-за местного агрессивного сумасброда.

Видя, что Кен опускать ружье не собирается, Чендлер обратился к пленнику:

– Так вы пытались угнать машину или нет?

Тот кивнул. Под дулом ружья оставалось только сознаться.

– Да, я пытался угнать машину. Но поймите, мне надо было. Я спасался от...

Закончить ему не дал очередной тычок в спину.

– Заткнись, парень, тут твои отговорки не пройдут. Ишь, городское отребье, думают, что им все с рук сойдет.

– Все, Кен, он сознался. Отпускайте его, – велел Чендлер.

– А извиниться как же?

– Кен!

С недовольной гримасой старик поднял ружье стволом в потолок. Чендлер позволил себе выдохнуть и почувствовал, как градус напряжения в помещении спадает. Констебли немедленно вклинились между мужчиной и Кеном. Тот наотрез отказался отдавать ружье Тане, поэтому пришлось вмешаться сержанту.

– Это мое.

– На сорок восемь часов – нет, – сказал Чендлер. – Остынете пока. А в следующий раз, если захотите задержать нарушителя, вызовите нас.

– Но чтобы через два дня вернули. Я без него как без рук, сержант. – Кен выглядел ужасно беспомощным и расстроенным, будто у него отняли единственного ребенка.

– Через два дня, – подтвердил Чендлер, стараясь не обращать внимания на недовольный взгляд Тани.

Сержант знал: она против, чтобы кто-то, кроме полиции, мог пользоваться оружием. Возможно, из-за троих детей Таня не любила оружие как таковое. Впрочем, навести ствол на преступника, если понадобится, это ей не мешало. Чендлер кивком велел Тане вывести Кена из участка. Одним психом в помещении стало меньше, и этот еще не самый опасный.

Теперь можно было спокойно рассмотреть подозреваемого. Мужчина стоял, опустив голову. По его потному, пухлому лицу совсем не скажешь, что он мог бы убить пятьдесят четыре человека. В сощуренном взгляде, которым он встретил сержанта, однако, читалась затаенная злоба. Подозреваемый вздохнул и, оскалившись, застонал. Чендлер нащупал рукой пистолет, готовый немедленно его выхватить.

– Мне пришлось, – прошептал мужчина. – Другого выхода не было.

Лука встал позади подозреваемого, ожидая дальнейших указаний. Чендлер повел глазами в сторону. Лука, кивнув, отошел.

– Вас зовут Хит? – спросил Чендлер, обхватывая пистолетную рукоять.

Окровавленный мужчина медленно поднял голову. Губы поджаты, как у преступника, пойманного с поличным.

Темно-карие глаза уставились сначала на Чендлера, потом посмотрели на остальных. Сержант крепче сжал пальцы на пистолете. Если подозреваемый хочет сбежать, то сделает это именно сейчас.

Хит медленно кивнул, озлобленность на лице сменилась недоумением.

– Откуда вы...

– Вас зовут Хит? – повторил вопрос Чендлер.

– Да, Хит. Хит Баруэлл, – ответил тот, нахмурившись.

Болезненная гримаса пропала – стало быть, притворялся. Впрочем, надо признать, весьма убедительно.

– Вы с востока?

– Да, из Аделаиды.

– Как попали сюда?

Чтобы усыпить бдительность подозреваемого, Чендлер начал с простых вопросов, работая, как археолог – кисточкой, а не экскаватором.

– Искал работу.

– Какую?

– Да любую: на ферме, в садах, на стройке... Что угодно – я все переделал.

– Значит, хорошо знаете эти места?

Хит вздохнул.

– Нет.

Чендлер уловил в его голосе нотки недоверия и подозрительности. Хит вел себя будто на минном поле.

– Мистер Баруэлл, я вынужден вас арестовать...

– Поймите, мне пришлось угнать... одолжить машину! – выпалил Хит. – Я спасался от...

– Машина нас не интересует, – перебил Чендлер и, заведя Хиту руки за спину, накинул наручники. Запястья у него были содраны, а ладони – красные, как от ожога или тяжелой работы. – Мы хотим задать вам ряд вопросов по поводу убийств.

Хит с силой вырвал руки и развернулся. Глаза у него горели. Таня и Лука тут же зажали его с боков.

– Именно о них я и хочу вам рассказать!

– Хотите сознаться?

Чендлер ощутил странную смесь воодушевления и разочарования. А с другой стороны, тогда и Митчу звонить не нужно...

– В каком смысле «сознаться»? Это меня чуть не убили – вон там, – Хит дернул головой, – в лесу.

Таня и Лука усадили подозреваемого на стул. Чендлер встал напротив, пытаясь понять, чего тот добивается. Сбивает со следа? Хочет выкрутиться? Водит за нос?

– Как это? – решил подыграть сержант.

– А вот так это, – сварливым тоном ответил Хит. – Меня похитили и хотели убить. Мне удалось сбежать, а потом меня поймал тот бородатый придурок с ружьем.

– Как его звали?

– Кого?

– Того, кто вас похитил.

– Назвался Гэбриэлом. – Хит облизнул пересохшие, потрескавшиеся губы.

В мозгу у Чендлера тут же завихрилась туча вопросов, но вмешалась Таня – она не расслаблялась ни на секунду:

– Можете его описать?

– Довольно высокий... Повыше меня. Пожалуй, с вас. – Он указал на Чендлера. – Но подтянутее. Выговор... да, выговор как у местного.

Нет, нет, подумал Чендлер. Гэбриэл однозначно из Перта, впрочем, не исключено, что для выходца с восточной части материка все жители западного побережья говорят одинаково. Он тут же себя одернул. На стереотипы полагаются только ленивые полицейские.

– Это все? – спросил Чендлер.

Так себе описание, ничем не указывает на Гэбриэла Джонсона.

– А чего еще? Вашего роста, загорелый, заросший... лицо только, не знаю, чересчур молодое. Не вяжется с бородой, как будто ее наклеили. И голос – вкрадчивый такой, обволакивающий.

А вот это в точку, почти идеальное описание Гэбриэла. Вот только не верится, что все это можно было уловить беглым взглядом – особенно в состоянии паники. Скорее результат пристального изучения.

Чендлер оглянулся на остальных. Таня, видимо, испытывала похожее потрясение. Лука ожидал приказов. А Ник, сидевший за стойкой регистратуры, жадно наблюдал за происходящим.

– Вот поэтому мне и нужна была машина, – продолжал Хит, заполняя тишину. – Чтобы спасти свою шкуру. Поверьте мне, умоляю!

Мольба была адресована Чендлеру, но тот не ответил. Голова отказывалась соображать.

– Сержант? – Лука тоже требовал ответа.

Ему нравилось, когда другие попадали в затруднительное положение – особенно начальник.

– Отведите его в камеру.

Что угодно, лишь бы потянуть время, пока не удастся привести мысли в порядок. Других идей не приходило.

Лука кивнул, и они с Таней подхватили подозреваемого под руки и поволокли в коридор. Тот стал вырываться.

– В какую камеру?! Я ни в чем не виноват! – кричал он. – Вы не имеете права!

– Имею, – ответил Чендлер. – Вы находитесь под подозрением.

– В чем?!

– Для начала – в угоне.

– Так он же хотел убить меня!

– Тогда в камере вам тем более будет безопаснее.

Хита увели, но он еще долго ругался на несправедливость.

8

Чендлер сидел на месте Тани и пытался привести мысли в порядок. Итак, есть два человека, каждый утверждает, что подвергся нападению другого. Один сидит в камере, второй – на свободе. Кто из них говорит правду? Кому больше верить? Тому, кто пришел сам, или тому, кого привели под дулом ружья? Что ж, начнем с того, кто под рукой.

– Мне позвонить в управление? – с азартом поинтересовался Ник.

– Погоди, мне надо подумать.

– Сержант, мы только что поймали настоящего серийного убийцу! – голос Ника прямо сочился восторгом.

Вернулся Лука.

– Все нормально, заперли? – спросил Чендлер.

– Заперли, – ответил тот и полез в холодильник за кока-колой.

Чендлеру тоже казалось, что в участке стало жарче, хотя вроде бы уже некуда.

– Я бы на вашем месте слегка остудил пыл нашего юного Ника.

Это верно. Вовремя приструнить подчиненных – задача начальника, даже если ему трудно держать в руках самого себя.

– Еще ничего не ясно. Может, это вообще два друга, которые крепко поссорились. Прежде чем звонить в управление, нужно добыть как можно больше фактов. Так что собрались, и работаем.

* * *

Собрались, и работаем. Чендлер не переставая твердил эти слова, стоя перед дверью в допросную и пытаясь успокоиться. В помещении сидел маньяк, убивший пятьдесят четыре человека. А может, просто мужик, повздоривший с приятелем, не опаснее мухи, кружащей вокруг лампочки. Хита двадцать минут помариновали в камере, а теперь выпустили на ристалище.

Воспользовавшись передышкой, Чендлер позвонил Джиму справиться о Гэбриэле, который из свидетеля превратился в подозреваемого. Новостей не было. Сержант приказал продолжать наблюдение и звонить, если что-нибудь произойдет. После допроса он собирался снова привезти Гэбриэла в участок.

Чендлер вошел в допросную. Хит сидел за столом в наручниках, а Таня стояла у дальней стены. Глаза подозреваемого были закрыты. Чендлер сел напротив, молча рассматривая его. Предстоящий разговор вызывал одновременно азарт и опаску.

– Мистер Баруэлл, вы со мной?

Хит открыл глаза. Вместо холодной расчетливости сержант увидел в них одну лишь усталость. Мужчина явно давно не спал – или же лихорадочно соображал, как бы себя не выдать.

– А куда я денусь? – Хит потряс наручниками. Несмотря на усталость, ему хватало сил огрызаться.

– Я хочу задать вам несколько вопросов.

– Я уже рассказал все, что знаю. Меня похитили и пытались убить. Я даже описал вам этого маньяка... и вместо того чтобы ловить его, вы держите меня здесь!

– Вы хотели угнать машину.

– Я же объяснил почему. Я спасался от убийцы. Это ведь считается за смягчающее обстоятельство? – Хит вдруг замолчал, поняв, что, по сути, сознался в преступлении. – Вы не можете использовать эти слова против меня! Мне не зачитали права, допрос официально не начался!

Из-под спутанных волос у него по лицу тек пот и впитывался в бороду. За прошедшие полчаса она вымокла и потемнела.

– С машиной все ясно, – сказал Чендлер. – Меня больше интересует остальное. Расскажите подробно, что с вами случилось и как вы сюда попали.

Хит долго молчал, видимо прикидывая, можно ли доверять Чендлеру. Впрочем, выбора у него все равно не было. Он откинулся на спинку стула и запустил пальцы в волосы, еще больше взъерошив их, потом утер лицо. Оно было загорелое и обветренное, как у Гэбриэла. На этом их внешнее сходство

заканчивалось.

А вот рассказ совпадал почти слово в слово. Как и Гэбриэл, Хит был разнорабочим и в поисках работы тоже направился в глубь материка.

– У вас были контакты? Имя, адрес, телефон?

– Ага, позвонил и забронировал, – съязвил Хит.

– Ну не случайно же вы в такую даль потащились.

Хит шумно выдохнул.

– Да я всегда все делаю по наитию. Один сборщик фруктов сказал мне, что лучше всего работать поближе к аутбэку. Мол, большинство крутится на побережье, потому что передвигаться легче, зато и конкуренция куда больше. – Он посмотрел на сержанта. – Что, это теперь тоже преступление?

Не преступление, конечно, но убедительности рассказу не добавляет.

– Продолжайте. – Чендлеру было нужно больше информации.

– Ну, добрался я до Порт-Хедленда, а оттуда стал ловить попутку. Остановился Гэбриэл.

– Что у него была за машина?

– Да хрен его знает. Какое-то древнее дерьмо, и цвета такого же.

– Марку запомнили?

Хит пожал плечами.

– Какая мне разница? Остановилась – это главное. Пускай развалюха, но лучше уж так, чем плестись под солнцем весь день.

– А номер?

Хит вздохнул и прикрыл глаза.

– Если я не запомнил марку, с чего бы мне помнить номер?

Чендлер промолчал. Описание машины, которое дали Гэбриэл и Хит, было одинаковым – одинаково расплывчатым.

– Вы всегда путешествуете автостопом? – спросил Чендлер.

– Нет, только на крайняк.

– Вас ничего в водителе не насторожило?

– Высокий и тощий... В случае чего я бы с ним справился. Он сказал, что его зовут Гэбриэл и что ездил в город за покупками.

– Еще что-нибудь говорил?

Хит перевел взгляд на стену.

– Ну, вроде как здешний, живет один. Похоже на правду... Мало он говорил, в общем, да еще так томно, что не расслышишь. Мне даже показалось, будто он из этих – из геев. – Он снова посмотрел на сержанта. – Нет, вы не подумайте, я ничего против не имею... Ну, то есть нравятся мужики и нравятся – мне лично все равно, а они уж пусть как хотят...

Хит явно запутался в словах. Чендлер не перебивал, надеясь, что тот сболтнет что-нибудь.

– В общем, я к тому, что ничего страшного в нем не было. Все в порядке. Так мне казалось. – Хит прикрыл глаза и покачал головой. – Я спросил, чем он занимается, – просто так, из вежливости. На самом деле, мне страшно хотелось поспать, хотя бы пару часов, но при незнакомце я не рискнул.

– О чем еще вы беседовали?

– Да так, ни о чем. Я сказал, что сам из Аделаиды и что здешние места напоминают перегон из Кубер-Педи в Алис-Спрингс: такая же пустыня. Зато тут водятся деньги. В общем, мы поехали от побережья, пропустили пару съездов...

– Вы не заметили в своем водителе ничего подозрительного? – перебил Чендлер.

– Нет, кроме того, что он проезжал места, где можно было найти работу. Говорил при этом, что, мол, туда все лезут. Как же там... – Хит наморщил лоб, вспоминая. – Что-то про первый попавшийся водопой... Не слышали такого?

Чендлер мотнул головой, не желая сбивать Хита с мысли.

– Вроде как там все уже вытоптано и взбаламучено. Он говорил, что дальше лучше. Так и ехали. По крайней мере, в машине было куда приятнее, чем жариться на дороге. Потом он предложил выпить, мол, на заднем сиденье канистра с водой. – Хит поморщился. – Мне хотелось пить, и я согласился. Почему нет?

Чендлер уже догадывался, что будет дальше: в воде отравы. Точь-в-точь как рассказывал Гэбриэл.

– Буквально через пару минут меня начало рубить. Сажу и чувствую, что отключаюсь. Сперва думал, что просто расслабился, успокоился, да и жарко еще, но потом стало хуже. Руки и ноги перестали слушаться. А затем – ничего, темнота. Он, наверное, в воду какой-то гадости подмешал.

Чендлер, не перебивая, делал пометки в блокноте.

– Очнулся я в сарае. – Хит шмыгнул носом. – Пахло смолой от свеженарубленных дров в углу. На руках и ногах у меня висели кандалы. – Он продемонстрировал Чендлеру мощные содранные запястья. – Знаете, как показывают в фильмах про Неда Келли[4 - Эдвард Келли (1854–1880) – известный австралийский бандит и герой фольклора, где он выступает в основном в роли благородного разбойника.]. Тяжелые железные браслеты и цепи. Похитителю явно не хотелось, чтобы я сбежал.

– Можете описать кандалы поподробнее?

Хит пожал плечами.

– Ну, такие, полукольцами... и через них продета цепь. На ногах тоже. Цепь от наручников крепилась к стене, а ноги были свободны. Только пошевелить ими я не мог – их будто придавили бетонным блоком. Я заорал «на помощь!», но снаружи доносился только птичий щебет... и шаги за стенкой. Тогда я понял, что сарай примыкает к дому. Еще там было полно инструментов, и я забеспокоился. – Он посмотрел на Чендлера. – Когда сидишь в цепях, что угодно может показаться зловещим... В общем, кричал я, кричал, даже горло сорвал, но Гэбриэлу было плевать. Он знал, что в округе ни души. Потом открылась дверь, а за ней стоял он. Не злой, не довольный... просто стоял и смотрел. Я стал умолять его, чтобы он меня отпустил, а он – томно так – говорит мне: «Успокойся». Все, думаю, сейчас мне крышка, а он такой, типа, «ты – пятьдесят пятый». Что за на хрен, спрашиваю, а он говорит, мол, дел много, и уходит. Не надо меня убивать, кричу ему вслед, и тут он произносит: «Ни о чем не беспокойся. С твоей смертью вопрос уже решенный». До сих пор мурашки.

Хит вперился в Чендлера, как бы подчеркивая всю серьезность угрозы.

Чендлер решил спросить в лоб:

– Если Гэбриэл так твердо намеревался убить вас, как же вы сбежали?

Подозреваемый положил руки на стол. Под наручниками виднелись ссадины, черные от въевшейся в них грязи.

– Повезло. Я стал разгибать кандалы: они были старые, ржавые, и я надеялся, что они сломаются. Так и вышло. Замок взял и вывалился. Я сперва оторопел, не веря своим глазам, потом схватил с верстака топорик и начал долбить по другому наручнику, стараясь не отхватить себе полруки. При этом все прислушивался, не идет ли Гэбриэл.

– Но он не приходил.

Хит самодовольно улыбнулся.

– Чтобы не было слышно звона, я снова стал орать – с каждым ударом все громче. В общем, руку высвободил. – Он посмотрел на ладонь, покрытую мозолями. – Хотел так же разобраться с ногами, но тут увидел на гвоздике ключ. Думал прорубить себе топориком выход, но лезвие было слишком тупое, поэтому я подошел к двери в дом и заглянул внутрь.

Хит прикрыл глаза, вспоминая.

– Гэбриэл сидел там, спиной ко мне, весь заваленный бумагами и картами, как будто искал, где бы меня закопать.

– Спиной к вам, говорите? – спросил Чендлер.

– Ну да.

– И у вас в руках был топор?

– Ну да...

– Почему вы не напали на него?

Хит замялся, как будто раньше ему это в голову не приходило.

– Мне просто хотелось убраться оттуда, сержант. К сожалению, он обернулся и заметил меня. Не знаю, кто из нас больше испугался. Я рванул к двери и побежал куда глаза глядят. А кругом – деревья, глушь, чтоб их...

– Вы же работаете на природе, разве нет? – заметил Чендлер.

– Только из-за денег. Я бы с большей радостью сидел где-нибудь в городе, в офисе с кондиционером. Увы, мозгами не вышел задницу протирать на конторской работе.

– Значит, вы побежали, а он – за вами? – спросил Чендлер, не давая подозреваемому увести разговор в другую сторону.

– Да. Натуральный стайер, хотя по виду и не скажешь. Мне, правда, удалось немного оторваться, а потом я выбежал к могилам.

– К могилам? – спросил Чендлер, изображая удивление.

– Ну да... по крайней мере, мне так показалось.

Последнее уточнение вызывало подозрения: как будто Хит пытался скрыть, что проболтался.

– Сколько их было?

– Шесть, кажется. Если учесть жару, как будто в аду оказался. – Хит вяло усмехнулся, но, видя, что Чендлер юмора не оценил, тут же посерьезнел. – Я побежал вверх по склону в надежде, что куда-нибудь он меня выведет, но там был обрыв. Тут Гэбриэл меня догнал и сбил с ног. – Он откашлялся. – Драки почти не помню, только то, что никто никому особо не зарядил. Мы боролись, катались и наконец свалились с обрыва. Ударившись о землю, я подумал, что умер: дышать нечем, руки-ноги не слушаются. Потом я, наверное, отключился. Пришел в себя, открываю глаза: вижу перед собой склон и не понимаю, где нахожусь.

– Сколько вы пробыли без сознания?

– Не знаю... Солнце еще было высоко, так что, думаю, всего пару часов.

– Хорошо, – кивнул Чендлер. – А где был Гэбриэл?

– Рядом валялся. Весь в ссадинах и синяках... Живой, мертвый – мне было плевать. Я бросил его и ушел.

Итак, ни один подозреваемый не пытался добить другого. Если кто-то из них и правда серийный убийца, он бы не стал упускать такой шанс. Напрашивается вывод: врет либо Хит, либо Гэбриэл.

– Несколько часов я плелся куда глаза глядят, пока не вышел на грунтовку, – продолжил Хит. – Она вывела меня к ферме. Мне показалось, что никого нет

дома, поэтому я решил одолжить машину. Вдруг появляется этот хрен с ружьем. И вот я сижу здесь, треплюсь с вами, а тот псих разгуливает на свободе.

Чендлер решил раскрыть карты и посмотреть, как Хит отреагирует.

– Этот «псих» рассказал нам ровно то же самое: что вы похитили его и пытались убить.

Хит побледнел и недоверчиво замигал глазами.

– Вы его поймали?

– Да.

Хит помолчал.

– Он врет.

– Допустим. А зачем?

– Что значит «зачем»?

– Зачем Гэбриэлу врать?

Хит сполз на край сиденья; ножки стула заскрипели по полу.

– Я же сказал: он псих.

– Может, есть конкретная причина? Кто-нибудь, кто желает вам смерти, например? Или, наоборот, хочет подставить? У вас есть враги? Долги?

– Ни хрена у меня нет, – процедил Хит.

А вот это уже похоже на правду, подумал Чендлер. Мужчина сидел, весь сжавшись, точно напуганная кошка – того и гляди выпустит когти и вцепится.

– Он натуральный псих, уверяю... сержант... как вас там...

– «Сержанта» достаточно.

Подозреваемый совсем издергался, колени ходили туда-сюда, как поршни.

– Мне нечего больше сказать, сержант.

Чендлер кивнул. Все, что можно было выжать из этого кремня, он выжал. Теперь надо обдумать следующий шаг. Итак, слово одного неизвестного против слова другого – чему верить? И верить ли?

– Я могу идти? – спросил Хит.

– Куда?

– Куда угодно.

– На вашем месте я бы остался здесь. Все-таки за вами маньяк охотится.

Хит открыл было рот, однако не нашелся, как возразить.

* * *

Чендлер с Таней вышли из допросной. Лука от нечего делать нарезал круги между столами, будто хотел заплестись узлом.

– Ну как? – спросил он.

– Пока останется у нас, – ответил Чендлер.

Лука оживился, но первым заговорил Ник.

– Значит, это все-таки он? – донеслось из-за стойки регистратуры.

– Понятия не имею, – сказал Чендлер. – Их показания полностью совпадают.

– Но такого не бывает... – подал голос Лука.

– Представь себе, бывает, – вмешалась Таня. – Чуть ли не слово в слово.

– Что же мы ему предъявим? – поинтересовался Ник.

– Пока не знаю, – со вздохом сказал Чендлер и обратился к Тане: – Отведи его в камеру. И осторожнее с ним.

Это не пустые слова. Каждый сотрудник был Чендлеру как родной. Меньше всего ему хотелось оправдываться перед Саймоном, Эрролом и Кейти за то, что не уберег их маму. Или за Джима перед матерью-инвалидом. Только год назад похоронили Джимова отца: эмфизема – наследие работы в шахтах – все-таки одержала верх. Он храбро сражался с болезнью, как и на полях Второй мировой, и настоял, чтобы из похорон устроили праздник. Наказ выполнили в точности. Гуляли три дня, даже удивительно, что все остались живы.

С Ником и Лукой его связывало куда меньше. И все равно, пусть Лука порой действовал на нервы, Чендлер за него переживал. А к Нику, который перебрался сюда, на другой край страны, аж из Мельбурна, трудно было не испытывать отцовских чувств. Отчасти поэтому тоже сержант старался держать парня подальше от реальной работы, хотя и понимал, что птенца уже пора бы выпустить из гнезда.

– Закрой его в дальней камере. Я сейчас привезу Гэбриэла; не хочу, чтобы они видели друг друга. – Он посмотрел в глаза Луке, затем Тане. – И не делайте ничего, пока не убедитесь, что напарник вас прикроет. Будем исходить из того, что оба чрезвычайно опасны.

В городе было тихо – даже тише, чем обычно. Как будто маньяк под шумок вырезал всех жителей до единого, пока Чендлер допрашивал Хита. Стало еще

жарче; температура неумолимо приближалась к точке кипения.

Проезжая мимо родительского дома, Чендлер подумал заскочить туда ненадолго и поговорить с Сарой. Наверное, бабушка снова попыталась отобрать у нее телефон. От этого девочка становилась невыносимой. Однако у Чендлера имелись дела посерьезнее, чем проводить воспитательную беседу с обиженной школьницей.

Джим по-прежнему сидел на своем посту, неподвижный, как минутная стрелка на городских часах. Несколько лет назад механизм забился песком, и ее заело, но в век цифровых технологий никто не обратил внимания. Увидев подъехавшего сержанта, Джим отошел от своей машины – темный и тощий, как обугленное молнией дерево.

– Объект на месте, – отрапортовал он, предвосхищая вопрос начальника. – Зачем вы хотите его забрать?

– Появились новые факты. Кое-что не сходится, – сказал Чендлер, направляясь к гостинице. У входа он остановился. – Точнее, даже не так, Джим. Все слишком гладко, и я должен понять почему.

Олли сидел за стойкой регистрации, углубившись в газету. Страница с результатами скачек была исчеркана стрелками и кружочками, о значении которых не догадывался никто, кроме него самого.

Появление полицейских стало для хозяина гостиницы неприятным сюрпризом.

– Зачем опять пожаловали? Знаете же, что мне не нравится, когда вы часто навещаете. Ладно раз, но два – это к неприятностям.

– Мы за вашим постояльцем.

– За каким еще постояльцем? – делано возмутился Олли. – У меня целая гостиница постояльцев, вот!

Он развернул перед Чендлером журнал регистрации. Чендлер оттолкнул его.

– Отведите нас к его номеру, – приказал он.

Ворча что-то себе под нос, Олли провел полицейских на верхний этаж к президентскому люксу.

Оттеснив хозяина, Чендлер прошептал Джиму:

– План такой: я предлагаю ему проехать со мной в участок, чтобы ответить на несколько вопросов. Если будет сопротивляться, скручиваешь его и тащишь к машине.

Затем он, не называясь, постучал в дверь. Незачем было давать Гэбриэлу возможность улизнуть или вооружиться. Когда имеешь дело с потенциальным маньяком, это самый безопасный подход.

Тишина. Чендлер постучал снова, на этот раз сильнее, на случай если Гэбриэл вдруг задремал.

И снова тишина.

– Он наливал себе ванну, – прошептал Олли. – Почти всю горячую воду спустил. Мне пришлось развешивать белье на улице, чтобы клопы спеклись...

– У вас есть универсальный ключ? – перебил его Чендлер.

– Да, сейчас! – вполголоса ответил Олли.

– Давайте, живее.

Олли завозился с ключами, давая Гэбриэлу возможность подготовиться к их появлению. Чендлер раздраженно сопел; с ноги он бы выбил дверь в два счета.

Наконец замок поддался. Чендлер, оттеснив Олли, с пистолетом наголо шагнул внутрь; Джим следом.

В номере было пусто.

– Гэбриэл! – рявкнул Чендлер, двигаясь из спальни в ванную.

Деревянная лохань была наполнена водой, но Гэбриэла и след простыл.

– Нашел что-нибудь? – крикнул сержант.

– Не-а, – отозвался Джим.

Гэбриэл пропал.

* * *

Они обыскали все: номера, шкафы, лестницы, прачечную и фойе. Везде пусто: ни подозреваемого, ни других постояльцев. Последней надеждой оставалась кухня, однако и там не было ничего, кроме кастрюль, сковородок да крысиного помета. Гэбриэл как сквозь землю провалился.

Чендлера посетила жуткая мысль: а что, если между тем, как он отвез Гэбриэла в гостиницу, и тем, как Хита доставили в участок, тот успел прикончить свою жертву? Времени прошло совсем немного, но, может быть, он прятался возле участка и проследил за Чендлером до гостиницы? Тогда как же он попался в руки Кену? Ферма Форта километрах в пятнадцати за городом. Сумел бы Хит после убийства дойти туда?

Вернувшись к стойке, Чендлер взялся за Олли.

– Вы ничего подозрительного не слышали?

– Только воду в ванной.

– Мимо вас он точно не мог проскочить?

– Я никуда отсюда не отлучался. Я бы заметил, если бы он ушел. Зачем он вам так срочно понадобился?

У Олли не было совести, зато хватало мозгов. Просто так полицейские не стали бы переворачивать тут все вверх дном.

– Он проходит у нас свидетелем, – обтекаемо ответил Чендлер.

– Ага, как же, – недоверчиво хмыкнул Оливер.

Не купился – да и черт с ним.

Чендлер решил еще раз осмотреть президентский люкс.

Кровать не смята, в мини-баре все на месте, крошечные тюбики шампуня и кондиционера нетронуты. По всему выходило, что Гэбриэл здесь не задержался. А раз мимо Олли он не проходил, то...

В конце коридора была пожарная дверь. Рассмотрев ее повнимательнее, сержант увидел, что пломба взломана. По металлической лестнице можно попасть в переулок, а оттуда – на Анзак-стрит, и поминай как звали.

Чендлер отправил Джима объехать город по периметру – вдруг удастся поймать подозреваемого. Шансы невелики, однако приходится цепляться за то, что есть.

* * *

Чендлер вернулся в участок, собрал остальных и объяснил ситуацию.

– Думаете, он убийца? – спросила Таня, не отрываясь от бумажной работы.

Чендлеру трудно было сохранить беспристрастность. Поведение Гэбриэла настораживало, но ведь он говорил, что опасается за свою жизнь и хочет убраться отсюда подальше. В таком свете его побег выглядел более чем обоснованно.

– Приведем его и разберемся, – ответил Чендлер. – Джим сейчас занимается поисками. Мы с Лукой к нему присоединимся. Таня, Ник, вы дежурите здесь.

- Это потому, что я женщина? – проворчала Таня.
- Нет, потому, что ты в состоянии присмотреть за оставшимся подозреваемым.
- Может, уже пора связаться с управлением? – спросила она.

Все посмотрели на Чендлера.

- Втроем нам весь город не прочесать, – вставил Лука.

- Да уж, – поддержала его Таня.

Чендлер и сам это знал. Он также знал, с чем – точнее, с кем – ему придется иметь дело, как только он позвонит в Порт-Хедленд. С Митчем.

Когда-то они были лучшими друзьями; вместе росли, вместе выкарабкивались из нищеты, вместе завербовались в полицию. Повод тоже был один: в 2001 году под Ньюменом разбился самолет, и в числе погибших были полицейские. Трагичная история, но она дала Чендлеру и Митчу путевку в жизнь.

По правде говоря, Чендлер вовсе не собирался становиться полицейским. Он подрабатывал в продуктовом магазине – расставлял товары на полках, – не упуская случая лишний раз сачкануть. Заявление он подал только из-за Митча. А Митч подал заявление, потому что на него давили родные. В той авиакатастрофе погиб его дядя. Помимо солидарности с другом, Чендлером двигало любопытство: возьмут или нет.

Присягу они принимали тоже вместе, в августе 2001-го. Он стоял плечом к плечу с Митчем, со смесью удивления и гордости наблюдая, как им на грудь вешают значки.

После училища их распределили в Уилбрук на одинаковые рядовые должности. По карьерной лестнице оба с тех пор поднялись. Только уже порознь.

* * *

Чендлер сидел у себя в кабинете, уставясь на телефон, и ждал, пока Ник свяжет его с управлением. Необходимость разговора с Митчем вызывала у него безотчетный страх. Интересно, конечно, поправился тот или все такой же бледный и тощий стручок с бескровными губами? В последний раз они виделись десять лет назад, но через родственников, оставшихся в Уилбруке, Чендлер знал, что после переезда в Перт Митч здорово поднялся. Чендлеру, конечно, было плевать – ровно до того момента, когда пришло уведомление, что в порт-хедлендское управление назначен новый инспектор: некто Митчелл Эндрюс. Это в корне меняло дело. Митч становился, по сути, начальником Чендлера. До сих пор обстоятельства и пустыня не давали им пересекаться, но теперь жизнь снова сводила их вместе.

Телефон зазвонил.

– Это инспектор Митчелл Эндрюс, полицейское управление Порт-Хедленда.

Говорил он вальяжно, в полном соответствии со статусом, но даже в трубку было слышно, как в голове вертятся шестеренки. Чендлер помнил, как Митч умеет раскладывать все по полочкам и смотреть на вещи рационально – иногда чересчур, совершенно без эмоций. Но, может, за десять лет характер смягчился? Может, им удастся начать все с чистого листа, на правах обычного начальника и подчиненного. От напряжения внутренности у Чендлера завязались узлом.

– Сержант Дженкинс, вы меня слушаете?

Только сейчас до сержанта дошло, что он все это время молчал.

– Да, Митч, слушаю.

На том конце помолчали.

– Для вас, сержант, инспектор Эндрюс. Будьте добры обращаться ко мне по форме, – отозвался наконец Митчелл надменным и слегка угрожающим тоном.

Что ж, все ясно. Время не только не притупило его заносчивость, но, пожалуй, даже усилило.

– Ваши подчиненные здесь? – спросил Митч.

– Нет... – Чендлер так и не смог назвать бывшего друга как подобает; все его существо противилось этому эгоистичному требованию.

– Соберите их и включите громкую связь. Я буду говорить со всеми.

Чендлер жестом пригласил остальных, кроме Ника, которому надо было дежурить в регистратуре. Чтобы парень тоже все слышал, дверь кабинета оставили открытой.

Сержант нажал на кнопку.

– Все в сборе.

Из динамиков донесся властный голос:

– Говорит инспектор Митчелл Эндрюс, полицейское управление Порт-Хедленда. Полагаю, еще не все со мной знакомы. Уверен... сержант сообщил вам, что мы имеем дело с двумя потенциальными маньяками: один содержится у вас в камере, второй – на свободе. Меры, принятые до сих пор, меня совершенно не устраивают, но вас я не виню.

Более явного намека и не придумать: в том, что все пошло наперекосяк, виноват Чендлер.

– Таким образом, – продолжал Митч, – вам требуется помощь сотрудников, имеющих необходимую квалификацию и опыт...

– Нам нужна помощь в организации поисков, а также дополнительные бригады, – вмешался Чендлер, делая акцент на нехватку рук.

– Этот вопрос уже решается, сержант Дженкинс, – спокойно сказал Митч.

Из всех присутствующих работать с Митчем доводилось только Тане. Чендлер ждал, что она закатит глаза или состроит гримасу, но нет, хуже: она смотрела с сочувствием.

– Я уже подобрал сотрудника, который знает местность и обладает подходящим опытом, – сказал Митч.

– Кто же это? – спросил Чендлер.

– Я.

Вот и все. Решение принято. Чендлер хотел вздохнуть, но воздух застревал в горле, где-то рядом с протухшими воспоминаниями об их последнем совместном задании.

10

К поискам подключились родные Мартина. Чендлеру досталось присматривать за Артуром, отцом парня, который чуть что хватался за сердце. Ему было под шестьдесят, и он ходил сутулый, как будто из-за сидячей работы стал расти не вверх, а вниз. На его грузную фигуру давили тягостные ожидания, и с каждой секундой плечи опускались чуть ниже, а надежда по капле испарялась.

Их внимание привлекло кострище. Почерневшие камни уже занесло песком, а золу разметало ветром, но Артур все равно настоял на том, чтобы осмотреть его, сколько Чендлер ни уговаривал пройти еще хотя бы километр до наступления темноты. Отец Мартина обшаривал предполагаемую стоянку, ворошил палкой землю, ища любые, пусть даже самые крошечные следы того, что его сын здесь был. Зрелище пожилого мужчины, нарезающего круги по прогалине, разбрасывая сухую листву и распугивая насекомых, удручало.

Чендлер нашел успокоение в тени, вскоре рядом пристроился Митч. Первоначальный энтузиазм в нем угас, и без того невыносимый характер приобрел новую форму. Теперь Митч помыкал волонтерами как личными рабами. Вместо «спасибо» – требование смотреть в оба. Вместо похвалы – замечания и придирки.

В последнее время Митч изменился и внешне: щеки ввалились от недоедания, а шрамы от подростковых угрей выделялись сильнее.

– Я в полицию нанимался, а не в ищейки, – прошептал он.

– Это, между прочим, тоже полицейская работа, – отозвался Чендлер. – Надо разобраться, что стало с парнем. Где твое чувство долга?

Ощущение ответственности поразило его не меньше остальных. Подростком он и не задумывался о долге; даже теперь ему было трудно с ним свыкнуться. Однако служба в полиции и предстоящее отцовство заставили Чендлера повзрослеть. Чем дальше, тем больше он походил на своего отца, основательного и надежного. Само по себе это не плохо, но не когда тебе всего двадцать два.

Митч криво усмехнулся. Слова друга его не тронули.

– Единственное, что я чувствую, Чендлер: нет смысла искать того, кто не хочет, чтобы его нашли. Парень и не думал возвращаться, иначе ни за что бы не забрался в такую даль.

– А чего ты хочешь, Митч? Убийства-наркотики-проститутки? Тогда тебе в большой город надо.

Митч потянул за ветку, та со щелчком оторвалась от ствола. Он раскрыл ее в руке и высыпал труху на землю.

– Подумываю над этим, – сказал он.

– Серьезно?! – От удивления Чендлер отвлекся от Артура, копавшегося в пыли неподалеку.

– Да.

– Ты ведь всего год на службе.

– И что?

– Кому ты такой нужен?

Митч облизнул свои неестественно синие губы.

– Я пообщался со старшиной из Перта. Она не против.

– Из Перта? Из хренова Перта?!

– Да, из хренова Перта. Здесь только в прятки играть, никаких перспектив.

– Ну да, как же, большие планы, – не удержался от сарказма Чендлер.

– Зато ты, я погляжу, крепко тут засел.

– И ничего я не засел.

От вида презрительной ухмылки на лице Митча у Чендлера зачесались кулаки.

– Ну как же: засадил Тери и сам засел.

Перед глазами сразу возникла подруга на восьмом месяце беременности, и Чендлеру стало тошно. Он с куда большей охотой был бы сейчас с ней, а не шатался по этим лесам. Однако Митчу он сказал то же самое, что и ей:

– Жизнь есть жизнь. Мы не всегда в состоянии решать за себя.

Оставив друга под деревом, он вернулся к Артуру. Тот откопал какую-то пластиковую обертку и попытался понять, от чего она.

Очередной ложный след. Обертка явно уже давно здесь валяется: совсем выцвела и истрепалась. Чендлер увел Артура с прогалины, и они углубились в заросли кустарника. Еле заметная каменистая тропинка вывела их к широкому перевалу между двумя скалами – точно врата в неизвестность.

С вершины перевала открывался широкий вид на плотное покрывало деревьев, непроницаемое для взгляда, но также и для безжалостного солнца. Масштабы вызывали одновременно восторг и ужас; Чендлер вдруг почувствовал себя одинокой песчинкой. Немногие, даже самые свихнувшиеся, заходили так далеко. Зачем сюда понесло Мартина? Для самоубийства существовали куда более простые способы.

С другой стороны, прошла всего неделя. Мартин вполне еще мог быть жив.

Чендлер начал спускаться по противоположному склону. Снова донесся голос Митча: тот приказывал своим волонтерам рассредоточиться, кто-то из них не преминул нагрубить в ответ. Чендлер, впрочем, знал, что Митчу все равно. Гораздо важнее, смог ли Мартин выжить здесь в течение недели? Сможет ли Артур? А Митч? А он сам?

11

– А теперь, сержант Дженкинс, к тому, что вам нужно сделать, – снова зазвучал из динамика всезнающий, самодовольный голос. – Во-первых, передайте описание беглеца в дорожную службу полиции штата.

– Его зовут Гэбриэл, – вставил Чендлер, чтобы сказать хоть что-то полезное.

Официальный тон Митча убивал его. Такое ощущение, будто они совершенно незнакомы друг с другом.

– Описание должно быть максимально подробным, с учетом того, что он мог как-нибудь изменить внешность.

– Уже сделано, – сказал Чендлер.

– Самое главное: перекройте дороги. Прежде всего основные направления...

– У меня нет стольких сотрудников.

– Я уже связался с полицией штата, – так же спокойно продолжал Митч. – Вам выделяют подкрепление.

– На все это нужно время... инспектор Эндрюс. – Чендлер сдался и решил подыграть. – Гэбриэл уже вполне мог скрыться. Как говорится, после пожара за водой...

– И тем не менее, сержант Дженкинс, – строго перебил Митч, ясно давая понять, что не терпит, когда его решения обсуждают, – приказ вы выполните. Надо расхлебывать ту кашу, которую вы заварили. Додумались: взять да отпустить главного подозреваемого... Нет, даже хлеще! Отвезти его в гостиницу и поместить в лучший номер – за счет налогоплательщиков. Какое, однако, благородство по отношению к преступникам!

Чендлер представил себе самодовольное рябое лицо инспектора Эндрюса и решил все-таки напомнить о немаловажной детали:

– Не факт, что Гэбриэл – преступник.

– Давайте сначала поймем его, а дальше пусть разбираются специалисты. – Митч помолчал. – И последнее: ни слова прессе. По крайней мере, пока не добудем больше улик. Нельзя допустить, чтобы журналисты путались под ногами и мешали следствию.

– Полная тишина?

– Полная, – подтвердил Митч.

– А что сообщить уилбрукцам?

– Ничего, сержант Дженкинс. Любое ваше слово – потенциальная утечка. Не пройдет и пяти минут, как все выльется в «Твиттер» и «Фейсбук». Не забывайте, в какое время мы живем: мгновенный доступ ко всем новостям. Впрочем, вы там у себя, может, этого и не понимаете. Кроме того, едва ли вам пойдет на пользу, если люди узнают, что вы упустили главного подозреваемого.

С этим Чендлер не спорил, однако держать друзей и близких в неведении, что по городу, возможно, бродит маньяк, тоже казалось неправильным.

– И все-таки я считаю, что сообщить надо.

– Нет, сержант Дженкинс. Это приказ.

– Чендлер, Митч. Меня зовут Чендлер. И не говори, будто ты забыл.

– Никому ни слова, сержант Дженкинс, – отозвался тот после секундной заминки, – иначе только усугубите положение. Если начнется паника, преступник исчезнет. Кроме того, вы знаете, чем грозит прямое нарушение приказа вышестоящего начальства. Я скоро прибуду, так что...

– Вы в четырехстах пятидесяти километрах от Уилбрука. Сколько...

– Три часа, – ответил Митч. – Выезжаю немедленно, поэтому, сержант Дженкинс, будьте добры организовать мне и моей группе рабочее пространство. И что-нибудь из еды сообразите.

Инспектор Эндрюс помолчал.

– И да, сержант Дженкинс... постарайтесь до моего приезда не наломать больше дров.

Громкий щелчок и затем гудки, как будто Митчу последнего оскорбления показалось мало и он решил еще кинуть трубку.

В участке повисло молчание – своего рода поминки по достоинству Чендлера. Дабы как-то исправить ситуацию, сержант обратился к остальным:

– Держитесь. Скоро будет жарко.

Безрадостно, зато честно. Подчиненные, стоявшие возле стола, молча закивали, но заговорил первым Ник:

– Не знаю, сержант, что вы там не поделили, но как по мне, этот инспектор – та еще скотина.

– И весьма заносчивая к тому же, – поддакнула Таня.

Чендлер согласно кивнул.

– На вашем месте я бы придержал это мнение при себе... Ладно, за работу.

После такого публичного унижения оправиться было непросто, но Чендлер взял себя в руки и начал выполнять полученные указания.

– Таня, пока полиция штата не вышлет подкрепление, на тебе шоссе и сто сорок вторая. Лука, берешь направление на Дали – это если вдруг он решит уйти на юг, а не на север. Джима я отправлю в сторону Стокмена. Будем надеяться, этого хватит. Соблюдайте осторожность, мы не знаем, на что он способен.

– А если он решит уйти тем же путем, что и попал сюда? – поинтересовался Ник.

– Маловероятно, – ответил Чендлер, впрочем, довольный тем, что молодой констебль не побоялся высказать свои соображения. – По его словам, он приехал на велосипеде. Однако проверь, не было ли за сегодня сообщений об угоне машин, мотоциклов, тракторов или другого транспорта.

Едва Лука с Таней вышли, Ник доложил, что заявлений об угоне не поступало. Чендлер не удивился. Городок маленький; новость о краже автомобиля – да что там, велосипеда – разнеслась бы мгновенно. Обстановка накалялась с каждой минутой. Буквально утром они маялись от безделья, теперь имели дело с двумя потенциальными маньяками: первый сидит в камере, второй на свободе. Беда не приходит одна, и Чендлер знал об этом как никто другой. Не было ни жены, ни детей – и вот он в разводе, в одиночку воспитывает двоих. После чумы – потоп.

Вот только этот потоп того и гляди готов был захлестнуть сразу всех.

* * *

Через пятнадцать минут Лука, Таня и Джим заняли свои позиции и доложили: все тихо. Никто, конечно, не ждал, что Гэбриэл – если он еще в городе – воспользуется крупной магистралью, однако хоть что-то надо было сделать. По мнению Митча, Чендлер только на это и способен.

Ник сидел за своим столом, насупившись от несправедливости.

– Потерпи, скоро и ты будешь при деле, – сказал ему Чендлер, втайне надеясь, что задание будет даже более рутинным, чем работа в регистратуре.

– Когда же? У вас что, часто такое случается?

– Послушай, Ник, – попытался утешить его Чендлер. – Я бы никогда не подумал, что у нас объявится маньяк – и вот, пожалуйста. Если такое произошло у нас, значит, может произойти где угодно. Сидя здесь, в самом центре расследования, ты делаешь очень важное дело. Да, на первый взгляд, кажется, что все интересное где-то там, но мы ведь не имеем права оставить участок без охраны, тем более когда один подозреваемый сидит в камере, а другой на свободе. Если Гэбриэл действительно пытался убить Хита, то может попробовать снова. Кто знает, вдруг главные события будут разворачиваться не на улицах, а именно здесь? А теперь, пожалуйста, передай ориентировку на Гэбриэла в полицию штата.

Ник кивнул и выпрямился.

Следующий свой приказ Чендлер внутренне не одобрял, но выхода не было:

– И напомни им: ни слова прессе. Нельзя, чтобы информация просочилась в «Фейсбук», «Твиттер» или «Снэпчат» какой-нибудь.

Он сыпал названиями, как будто разбирался в теме, хотя на самом деле просто подслушал у дочери. Делать было нечего, только сидеть и ждать – новостей или подмоги. Натура Чендлера протестовала против необходимости держать жителей городка в неведении, но приходилось признать: тут Митч прав. Массовая паника сейчас совсем ни к чему.

Неизвестно, когда получится снова увидеть детей, поэтому сержант позвонил домой. Первым к телефону, как всегда, успел Джаспер.

– Алло! – раздался задорный детский голос.

Мальчонка был от природы любопытен, словно какая-то сила постоянно заставляла его совать пальцы куда не следует, разбирать все подряд на части и в таком виде бросать – пускай другие чинят.

– Джаспер, это я.

– Папа! – буквально проорал сын в трубку.

– Да, Джаспер. Все дома? Чем занимаетесь?

Просто проверяю, успокаивал себя Чендлер. Никого не предупреждаю, лишь хочу убедиться, что все на месте.

– Ну, да... Бабуля с дедулей смотрят телик, а Сара у себя в комнате.

– Отлично. Попроси дедушку, пусть поставит тебе мультики.

Пусть лучше сидят дома.

– Но ты же говорил, что нельзя весь день торчать перед экраном.

– Да, говорил, но иногда можно. Сару мне позови, пожалуйста.

В динамике что-то стукнуло. Джаспер, наверное, сразу побежал за сестрой, бросив трубку болтаться. Чендлер оглянулся в сторону регистратуры: Ник передавал диспетчеру описание Гэбриэла.

– Чего?

Голос у дочери, в противоположность брату, был раздраженный. Больше всего ей хотелось снова уткнуться в свой «айфон». Чендлер изо всех сил старался

отучить ее от этой привычки, но работа не позволяла, и Сара все свободное время проводила за всякими Angry Birds, Candy Crush и другими играми, где нужно было все ломать, швыряясь разными зверушками. Как-то Чендлер тоже попробовал сыграть. Не оценил.

– И я тоже рад тебя слышать, – сказал он.

– Угу. Пап, я занята, чего тебе?

– Как прошла репетиция первой исповеди?

Исповедь – единственное, что интересовало Сару, кроме телефона. Для нее это был шанс выделиться перед друзьями.

– Нормально. Еще будет генеральная репетиция, только без платьев. Слова там тоже говорят не те, но я спросила у Ники с Эми, и они...

– А может, брата попросишь помочь?

– Джаспера? Ну нет! Зачем мне его помощь? Он ведь... он ведь ничего не знает... и он все испортит. – В ее голосе звучал искренний ужас.

– Пожалуйста, я прошу. Он с радостью согласится тебе помочь.

– Но как он мне...

– Как угодно, – оборвал дочку Чендлер. – Лишь бы не думал, что про него забыли.

Сара молчала и только обиженно сопела в трубку.

– Ну ладно, – сказала она наконец, а потом добавила: – Пап...

– Да, малыш?

– Когда ты придешь домой?

– Не знаю. Сегодня, скорее всего, нет.

– А почему?

– Дела.

– А. Ну ясно.

И все. Даже если она и расстроилась, то тут же забыла. Отсутствие отца было настолько привычным, что Сара перестала обращать внимание. Гнусное чувство. Неудивительно, что Тери решила отсудить детей у бывшего мужа. Чендлер действительно слишком много времени проводил на работе, хоть никогда бы этого при ней не признал. Тери не понимала, что он руководит целым участком, что зона ответственности большая, а людей не хватает – и с выходом в отставку Билла их стало еще меньше. Уважительная причина, хотя суд едва ли сочтет ее таковой. Впрочем, эту заботу можно оставить на другой раз. Когда все уляжется.

– Папа?

Это снова Джаспер. Интересно, давно он тут? Чендлер отчитал себя за то, что не может толком уделить внимание детям.

– Да, Джаспер, я слушаю тебя.

Он представил сына на другом конце провода. Девять лет, среднего роста, с непослушной копной волос, которую не берут ни расческа, ни гель. Чтобы хоть как-то их уложить, приходилось обильно поливать водой.

– Я видел в гараже карт. Когда придешь, достанем его?

Карт собирали прошлым летом, а такое ощущение, что несколько лет назад. Весь год он пылился в глубине гаража в ожидании, пока Джаспер им снова заинтересуется.

Чендлер хотел предложить сыну обратиться к дедушке, но вовремя опомнился. Пускай сидят дома. Джаспер, впрочем, сам отменил эту мысль.

– Дедуля уже слишком старый. Плохо толкает. Быстро устает.

Чендлер представил, как разозлился бы отец, услышав это, и усмехнулся.

– Вот, а я говорил тебе: не надо заставлять его играть с тобой в догонялки.

– Хорошо, папа.

Чендлер снова оглянулся в сторону регистратуры. Ник продолжал разговаривать.

– А теперь, пожалуйста, позови бабушку или дедушку.

– Ладно. Пока, пап.

– Пока, Джаспер.

В трубке зашуршало, и тут же послышался резкий, воинственный голос матери:

– Домой, значит, тебя не ждать?

– Что ты там услышала?

– Мне хватит, – раздраженно прошептала она. – Что такое? Что-то случилось?

Мама, как обычно, все схватывала на лету. Если сын обещал прийти домой, а потом передумал, значит, произошло нечто серьезное. Осталось понять что. Голос у нее был настойчивым, как бы демонстрируя, мол, она имеет право знать и не успокоится, пока не выпытает все.

– Есть кое-какие дела, – уклончиво ответил Чендлер. – Могу сказать только, что вам лучше посидеть дома.

Мама помолчала.

– Ты меня пугаешь.

– Возможно, не без причины.

– Ожидается буря? – иносказательно спросила она, как будто телефон прослушивали.

– За меня не переживай.

– Мать переживает за детей ровно до тех пор, пока ее не положат в гроб.

– Mam! Хватит такое говорить, – в отчаянии произнес Чендлер.

– Это не я придумала, – сказала она и добавила вполголоса: – Пожалуйста, не рискуй собой.

– Мне как раз за это платят.

– Мало платят.

Тут Чендлер не спорил.

– Ладно, иди работай. От папы привет.

Мама повесила трубку. Так заканчивался каждый разговор. Чендлер знал, что папа привета не передавал. Он, скорее всего, даже не подозревал, что звонил сын, потому что смотрел телевизор, читал газету или занимался еще чем-нибудь. В эти минуты завладеть его вниманием было не легче, чем вниманием девятилетнего Джаспера.

В трубке было тихо, но Чендлер по-прежнему слышал слова матери: «Не рискуй собой». Увы, тут он себе не хозяин. Одно из двух: где-то в городе скрывался либо напуганный, себе на уме свидетель, либо изобретательный и хитрый маньяк.

В участке Чендлеру не сиделось, но выйти и присоединиться к операции он мог, едва закончив с ее организацией. А до тех пор был заточен в том же чистилище – в кабинете за столом, – на которое обрек Ника.

В полиции штата подтвердили, что сотрудников расставят где-то в пределах часа. Пробежавшись по соцсетям, Ник сообщил, что в городе тихо, только пара человек обратили внимание на появление полицейских. В остальном все нормально. Ситуация под контролем. Точнее, ее замяли, вякнула совесть. Родных Чендлер обиняком предупредил, чтобы на улицу не выходили, однако остальные жители оставались в опасном неведении.

Ожидая неизбежного наплыва звонков с вопросами, он решил попытать Ника.

– Как думаешь, куда подевался Гэбриэл, сбежав из гостиницы?

Ник сорвал гарнитуру, как будто только и ждал, пока его спросят.

– Так... Из того, что мы знаем или можем предположить, он ушел через пожарный выход. Оттуда – на улицу. Город для него чужой, незнакомый. На его месте я бы отправился туда, где уже был. Или что-то оставил – я имею в виду то, на чем он добрался до города.

– На велосипеде, – подсказал Чендлер.

– Именно. Но ехать из города на велосипеде подозрительно. С другой стороны, сообщений о пропаже машин или крупного транспорта не поступало. Остается нечто среднее – скажем, квадроцикл. Такую пропажу хозяин заметит не сразу, особенно если держит его где-нибудь в сарае.

– Хорошо, допустим, – кивнул Чендлер, предлагая молодому констеблю развить свою мысль. – Куда потом? Прочь из города? Или еще дальше? В темноте, когда кенгуру выходят на трассу слизывать росу с разметки, довольно небезопасно.

– А если по проселку?

– Возможно. Такие дороги трудно перекрыть.

– Но он мог и остаться в городе, – добавил Ник.

– Мог. Только чужаку прятаться тут негде. Тем более если он опасается за свою жизнь. Напуганные люди, как правило, на месте не сидят.

– Это при условии, что он невиновен. Будь я маньяком в бегах, я бы стал искать, с кем покинуть город.

Чендлер кивнул. Умозаключения Ника и рвение, с которым он ими делился, впечатляли.

– Он может разыграть заблудившегося туриста, – подхватил сержант. – Он сам подбирал голосующих или сам путешествовал автостопом, так что знает, как себя вести. Втирается в доверие к водителю, а затем уговаривает вывезти из города.

– Да, так бы я и поступил.

– Грамотно мыслишь, Ник, – одобрил Чендлер. – Свяжись с Таней, Лукой и Джимом, скажи, чтобы проверяли местных, выезжающих из города, особенно если в спешке. Пусть досматривают машины, но только аккуратно, чтобы не вызвать разговоров.

– Если надо, можете считать меня штатным экспертом. Я разбираюсь, как устроено мышление серийного убийцы, – сказал Ник, чем тут же испортил впечатление о себе.

Чендлер хотел было заметить, что работа полицейского не имеет ничего общего с сериалами, но тут со стороны камер донесся шум. Хит кричал и долбил в дверь.

Оставив Ника звонить Джиму, Чендлер пошел к камерам.

– Кто там? – пробасил Хит из-за двери.

– Сержант Дженкинс, – ответил Чендлер, и ему самому от себя стало тошно.

Официоз оказался заразным.

– Выпустите меня, сержант! Я не хочу сидеть здесь, пока Гэбриэл разгуливает на свободе.

– Насколько нам известно, он скрывается от вас.

– Да ни хрена вам не известно! – Хит помолчал. – Так не бывает, чтобы сразу двоих подозревали в одном и том же.

– В сложившейся ситуации возможно все, мистер Баруэлл. Если Гэбриэл действительно на вас охотится, то здесь вам будет безопаснее всего.

Хит визгливо засмеялся; Чендлеру подумалось даже, что у него не все дома.

– Безопасно, говорите? Так вы же сами купились на его вранье и отпустили!

– Его показания полностью совпадают с вашими.

– Не может быть.

Чендлер дернул металлическую задвижку на двери камеры. Хит стоял, прижавшись к двери, цепочка с крестиком туго обтягивала его сальную, потную шею.

– Во всех основных моментах.

– Например?

Чендлер улыбнулся.

– Не могу вам сказать.

– То есть вы будете держать меня здесь и ждать? Пока он не проникнет сюда и не закончит начатое?

– Есть установленная процедура...

– Да в задницу ваши процедуры! Вы просто тянете время, пока его ищете. Не найдете – припаяете все мне. Что я, не знаю, как это бывает? А про презумпцию невиновности слышали? Или начхать?

– Этот разговор имел бы смысл, если бы вы не попытались угнать машину. Так что повод для задержания у нас веский.

– Вот как? А на кой мне угонять машину? Я спасался от убийцы, понимаете? Я не преступник. – Хит замолчал и начал перебирать пальцами цепочку, закручивая и раскручивая ее. – Ну ладно, было одно нападение по пьяни. Когда оскорбили моего приятеля. Если что, они тоже были вдрызг.

Чендлер пристально следил за подозреваемым, но однозначных выводов сделать не мог. Да, он потел, как будто знал за собой вину, но только сверхчеловек не запарился бы в бетонной камере с полным отсутствием вентиляции (крошечное квадратное окошко не в счет). Кругом – стены, пропитавшиеся грехами прошлых задержанных. Распалаясь, Хит начал задыхаться и все надувал покрасневшие щеки. Наблюдая это резкое, агрессивное поведение, трудно было не подумать, что перед тобой убийца.

– Короче, врезал я хорошенько, да и все, – продолжал Хит. – Ни ко мне претензий, ни у меня. А управляющий все равно вызвал копов.

Посмотрев на Чендлера, он вдруг замолчал. Видимо, по взгляду понял, что ничего не добьется.

– Вы совершаете ужасную ошибку. – В голосе Хита прорезалась угроза. – Погодите, вот только я выйду отсюда...

Чендлер ждал, что он вот-вот взорвется и в гневе выдаст себя. Как было бы удачно покончить со всем этим до приезда Митча и избежать собственного наказания.

– Я натравлю на вас своего – да какого угодно – адвоката. И политикам растрезвоню. Да, меня предупреждали, что на западе сплошные психи, готовые от нечего делать всадить в тебя нож, но чтобы весь город...

Хит продолжал сыпать угрозами; слюна сгустками налипала на пересохшие губы. Когда гнев иссяк, он впал в отчаяние и стал долбить ладонью по стене.

– Мне попить-то хоть принесут? И кондиционер включите, гады. У меня, между прочим, тоже права есть.

– В том числе право хранить молчание, – заметил Чендлер и ушел.

Увы, разговор ни к чему не привел. Сержант надеялся вот-вот услышать нечто, что подтвердит его подозрения. Вместо этого были только ругань и полубезумные возгласы.

* * *

Чендлер заперся у себя в кабинете и заново прокрутил сделанную утром запись, внимательно вслушиваясь в голоса.

Голос Гэбриэла к этому моменту уже почти стерся в памяти. Услышав его вновь, Чендлер ощутил неприятный холодок в животе. Зачем он его отпустил? Но не мог же он тогда знать последствий. Он прослушивал запись допроса, пытаюсь вспомнить поведение Гэбриэла, уловить расхождения в их с Хитом показаниях, противоречия и признаки неуверенности, которые позволили бы вывести одного из подозреваемых на чистую воду.

Вот Гэбриэл объясняет, почему отправился с побережья в глубь континента. Вкрадчивому голосу, звучавшему с пленки, хотелось верить: то ли из-за ровного, убаюкивающего тона, то ли просто оттого, что этот рассказ Чендлер услышал первым. Так бывает, когда после кавер-версии оригинальное исполнение уже не воспринимаешь.

Запись продолжалась. «Лучше бы Хит уехал», – говорит Гэбриэл с печалью в голосе. С искренней печалью. Описание автомобиля точно такое же, как и у Хита: цвет, состояние – все сходится. А затем – фраза: «Убийца представляться бы не стал... Или как?»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Англ. outback – «глушь»; так в Австралии называют малоосвоенные районы, более удаленные от густонаселенных мест и более пустынные, чем другой вид австралийской дикой местности – буш (англ. bush, «заросли»).

2

Асбестосодержащий минерал, имеющий широкое техническое и ювелирное («тигровый глаз») применение.

3

Holden – австралийская автомобильная марка концерна General Motors.

4

Эдвард Келли (1854–1880) – известный австралийский бандит и герой фольклора, где он выступает в основном в роли благородного разбойника.

Купить: https://telnovel.com/delardzhi_dzheyms/55

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)